

Арина Парина

комедийный

любовный роман

Муж для
девочки-
ромашки

Арина Ларина

Муж для девочки-ромашки

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161339

Ларина А. Муж для девочки-ромашки: Эксмо; Москва; 2007

ISBN 978-5-699-23208-6

Аннотация

У Надюши все было для того, чтобы навсегда остаться в девицах: вреднейшая мама, придурковатая самоуверенная подруга, невзрачная внешность и море комплексов. Но Судьба все-таки позаботилась о девочке-ромашке: сначала вынудила сменить работу и прическу. Затем... бесцеремонно выставила из дома парня, которого Надюша уже привыкла считать своим мужем. Что оставалось делать? Старательно делать карьеру! А еще – не отбиваться от ухаживаний красавца-начальника, в объятья которого справедливая Судьба упорно толкала смешную недотепу...

Содержание

Арина Ларина

4

Конец ознакомительного фрагмента.

83

Арина Ларина

Муж для девочки-ромашки

Электричка неслась по черной трубе метрополитена. За стеклом тоскливо мелькали редкие огоньки. Конечно, может быть, никакой особой тоски в этом мелькании не наблюдалось, но Надя Иванцова, будучи человеком настроения, смотрела в темноту туннеля мрачно и сердито. Рядом подбостранно шевелилась и старательно пыталась ее развеселить Анька Фингалова. Именно Фингалова в очередной раз уговорила Надю пойти на дискотеку, куда они в данный момент и ехали.

– Смотри, у тетки бюст какой, – громким шепотом проорала ей в ухо Анька. Поезд как раз подбирал на станции очередную порцию пассажиров. В тишине весть разнеслась по вагону. Близстоящий народ начал заинтересованно оглядываться по сторонам в поисках бюста. Хозяйка вышеупомянутого бюста с горделивой отстраненностью начала увлеченно читать рекламные надписи на стенах вагона. Бюст, обтянутый кожаной курткой, она на всякий случай выпятила так, чтобы разглядеть могли все желающие.

– Ужас, правда? – продолжила Фингалова, не получив от Нади вербальной поддержки. – Представляешь, какой он в старости будет. Страшно подумать. Хорошо, что у нас не так,

да?

И Надя, и обладательница бюста посмотрели на Аньку с одинаковой ненавистью.

Если вдуматься, подругами они не были. Более того, слегка чокнутая Анька уравновешенную Надю иногда невероятно раздражала своими дикими рассуждениями и непредсказуемым поведением. Но зато на фоне Фингаловой блеклая Надежда слегка выигрывала. Однако дело было даже не в этом. Надя вынуждена была признать, что их роднил один весьма неприятный факт: обе «засиделись в девках». Все Надины подруги уже давно находились в состоянии гражданского или законного брака. Или просто счастливыми мотыльками порхали при очередном бойфренде. Худенькую невзрачную Надежду счастье и мужики обходили стороной. К двадцати пяти годам она своим умом дошла до несколько сомнительной мудрости: термины «мужчина» и «счастье» тождественны. Подруги, бывшие счастливыми обладательницами представителей противоположного пола, тщетно старались ее разубедить. Если их слушать, то выходило, что мужчина в доме хуже прорванной канализации и страшнее атомной войны. Их глупые доводы казались Надюше тщетным враньем у постели умирающего. Да, приобретение стихийного бедствия под названием «мужчина» даже во временное пользование Надюше не светило. Никто никогда не позарится на невысокую худышку с невыразительной фи-

гурой и тугой монашеской косичкой. Безуспешные попытки девушки сменить имидж ни к чему не привели. Многократно перекрашенные волосы приобрели непередаваемо убогий цвет и после укладки держали форму ровно полчаса, после чего превращались в нечто чудовищное; вкладыши из лифчика вываливались, а дешевая косметика только уродовала бледное лицо.

– Ты не переживай, – утешила как-то Надюшу Анька. – И для таких, как мы, найдется пара.

Лучше бы Фингалова молчала! Надежда никак не предполагала, что ее можно объединить с Анькой по внешним признакам. Курносое недоразумение ростом даже меньше полутора метров, с глазками-буравчиками, жидким коротким хвостиком и стаей тараканов в голове, оказывается, считало себя равным ей, Надежде Иванцовой. С другой стороны, может, это Надя была слишком высокого мнения о себе? А что, если мужчины не видят между ними разницы? Думать об этом категорически не хотелось.

– Сегодня хороший день, – скосив глаза к носу, сообщила Анька. – День новых дел и знакомств.

Анька всегда косила, когда сообщала нечто, на ее взгляд, важное. В связи с неполадками в личной жизни она увлеченно читала гороскопы, отличавшиеся друг от друга как поганки в лесу, поэтому мадемуазель Фингалова выбирала наиболее оптимистические прогнозы и всякий раз страшно разочаровывалась, когда они не сбывались.

– Надо завести личного астролога, но это дорого, – вздыхала Анька, упоенно вычитывая в очередном календаре прогноз на счастье. Прогноз был, счастья не было.

Поезд резко затормозил, и Фингалова уткнулась носом в Надину куртку, оставив на груди жирный след малиновой помады.

– Даже пикантно получилось, – оробела Анька. – Как раз... э-э-э-э... акцентирует внимание на вторичных половых признаках.

Надя стиснула зубы и отвернулась. Страшно хотелось дать Аньке в глаз, чтобы подружка на сто процентов оправдала свою невероятную фамилию.

Кстати, почему взрослая девица, двадцати шести лет от роду, в здоровом или почти здоровом уме, до сих пор не поменяла фамилию на что-нибудь приличное, Надя совершенно не понимала. Анькину убежденность в том, что она в ближайшее время выйдет замуж, вот тогда и сменит, Надежда категорически не разделяла.

Неожиданно ледяной сентябрьский ветер мел по проспекту желтые листья, бумажные обрывки и прочий мусор. Вслед за ветром к месту дискотеки стекалась молодежь. Надя зябко поежилась, чувствуя себя среди юных барышень корявым пнем на фиалковой поляне.

– Не дрейфь, – смело гоготнула Анька. – Сюда иногда и нормальные мужики в возрасте заходят.

На взгляд Нади, нормальному мужику в таком месте делать нечего, а престарелый ловелас, падкий на свежатицу, ей сто лет был не нужен. В который раз спросив себя, зачем она поперлась на столь неподходящее возрасту и статусу мероприятие, Надежда отважно шагнула в вестибюль клуба.

Из того, что с натягом можно было бы отнести к противоположному полу, имелась лишь пестрая группка сопливых юнцов в полуспущенных штанах.

Тяжело вздохнув, Надя начала стягивать куртку. Надеяться было не на что, но, как говорила мама, кто не барахтается, тот не выплывает. Поэтому Надюша пыталась использовать любую возможность «выйти в люди». Конечно, шанс, что ее единственный забредет на эту сомнительную дискотеку, был минимальным, но вдруг... Хотя ощущение было такое, что гребет она не в ту сторону. Если надеяться на то, что принц налетит на нее в метро или маршрутке, тогда лучше уж кататься в свободное время по кольцу, чем скакать в темноте среди молодежи.

– Да что ж такое, елки-палки! – Анька сидела на корточках у нее под ногами и пыталась развязать тонкий шарф, затянутый под подбородком в толстый узел. Этот шарф Фингалова повязывала на манер монашеского платка и считала свою дизайнерскую находку весьма оригинальной. Из-под ее плиссированной юбки торчали острые колени, полиэтиленовый пакет с туфлями стоял рядом, топорща в разные стороны жеванные ручки, словно рога.

Сдержав желание пнуть любимую подругу, Надя отвернулась и немедленно наткнулась взглядом на интересного шатена с мужественной щетиной. Владелец щетины, похоже, давно и вдумчиво ее разглядывал. Непроизвольно отключив пятую точку и выпятив слабый намек на грудь, Надюша с преувеличенной заинтересованностью начала смотреть на копошившуюся внизу Фингалову. И даже заботливо наклонилась к подруге, чтобы продемонстрировать красивые изгибы тела. Надя была уверена, что хоть где-то изгибы у нее должны быть привлекательными. По крайней мере талия была очень даже ничего. Краем глаза девушка отметила, что шатен пошел на сближение.

– Анют, тебе помочь? – с сексуальной хрипотцой роковой красавицы протянула Надя. Фингалова вздрогнула и испуганно уставилась на нее, неловко вывернув шею.

– Не подскажите, где здесь вход в филармонию? – Шатендохнул Надюше в затылок мятой и крепким табаком.

– Нету тут никакой филармонии, – проскрипела Фингалова, которую никто не спрашивал. – Но если надо, то мы и на скрипке можем. Мы для хорошего человека на все согласны, правда, Надь?

Надя остолбенела от предчувствия невосполнимой утраты и представила Аньку одну на Северном полюсе. Или на Южном. Точные координаты ее местонахождения были неважны. Главное – чтобы далеко-далеко отсюда!

– А вообще пойдете с нами танцевать, – игриво продол-

жила диалог Фингалова, не получив поддержки от окаменевшей подруги. – Я, например, могу танец живота исполнить. Но, конечно, не здесь, а где-нибудь в другом, более приличном месте.

– В филармонии, например, – услужливо подсказал шатен. Он улыбался. Надя чувствовала это спиной, не имея сил обернуться.

– Гы-гы, – радостно подтвердила снизу бывшая студентка филфака, а ныне – дипломированный литературовед. Она явно была уверена, что познакомиться хотят именно с ней.

– Вы без спутников? – уточнил мужчина со стопроцентной уверенностью в голосе.

– Такие планеты, как мы, без спутников не летают, – просветила его Анька и начала стаскивать сапоги, временно оставив борьбу с шарфом.

– Без, – торопливо кивнула Надя, не оглядываясь.

Фингалова тем временем сунула нос в сапог и принялась.

– И как? – с интересом спросил шатен.

– «Шанель»! – довольно хихикнула Анька и деликатно добавила: – Гы!

Видимо, это должно было означать конец шутки, как в туповатых ситкомах, когда вам реакцией закадровых зрителей подсказывают, где плакать, а где смеяться.

– «Шанель» – шинель, шинель – портянки! – выдал логическую цепочку жизнерадостный бас и весело добавил: –

Леха, привет! С девочками знакомишься?

– Мы, к сожалению, пока не познакомились, – хмыкнул в ответ шатен, оказавшийся Лехой.

Продолжать стоять к ним спиной было глупо, поэтому Надя обернулась с надменностью царственной особы и внимательно осмотрела обоих. Внутри все вибрировало, но чем выше себя подать, тем больше цены.

– Константин, – по-гусарски кивнул обладатель баса. Он оказался невысоким толстячком лет сорока. И абсолютно неинтересным внешне. – А это – Алексей. С утра мечтали познакомиться с такими чаровницами.

– Потрясающе. – Фингалова всунула ноги в чудовищные оранжевые лодочки и зачихала сапоги в мешок. Она потрясла торбой, словно утрамбовывала в ней картофель, и уточнила: – А почему с утра?

Наде тоже не понравилось это «с утра», но она уже знала, что не стоит искать в том, что говорит мужчина, скрытый смысл. Как правило, многие представители сильного пола просто не умеют правильно складывать слова или не придают им особого значения, предпочитая действие.

– Потому что вчера мы даже не отваживались на столь смелые мечты, – выкрутился Константин и подмигнул пространству между девушками.

Одернув синюю блузку, мешком нависавшую над зелеными брюками, Анька притопнула оранжевым башмаком:

– Мы почти готовы. Сейчас пойдем осуществлять ваши

мечты.

Надя дико глянула на нее и закашлялась. Даже если отвлечься от кошмарного сочетания цветов в фингаловском наряде, все равно предположить, что кто-то мечтал о такой, как Анька, было невозможно. Большинство девиц в зоне видимости были одеты с такой же попугайской яркостью, но ни у кого не было на голове клетчатого мохерового шарфа и столь эпатирующих манер.

– Ань, шарф, – слабо кивнула она подруге.

– Да я помню. – Фингалова снова гыкнула своим фирменным смехом. – Сейчас.

Она выдвинула челюсть вперед и сорвала головной убор таким жестом, словно под ним как минимум скрывались косы Лорелеи.

Надя всхлипнула и закашлялась. Судя по всему, «Лорелея» спала в косичках. Причем косичек она наплела штук сто. Результатом эксперимента стали космы до плеч, топорщившиеся мелким зигзагом, а на макушке была накручена на две бигуди отсутствующая в общей картине челка.

– Я такого в жизни не видел, – искренне поделился впечатлениями Константин.

Фингалова ловко нашарила бигуди и восторженно подготовила присутствующих к финалу:

– Погодите, это еще не все!

– Да шо вы говорите?! – всплеснул руками Костя и заинтересованно уставился на Аньку.

Надя страдальчески засопела, в который раз подивившись тому факту, что Фингалова свободно перемещается по родному городу, а не лежит где-нибудь в соответствующем месте, примотанная к койке бинтами. Или как минимум не находится под присмотром специалиста.

Когда они впервые встретились у стен университета, Надя была наповал сражена удивительной интеллигентностью новой сокурсницы, ее эмоциональностью и впечатлительностью. Через пару месяцев довольно плотного общения стало ясно, что все эти положительные качества граничат с полной невменяемостью, но отвязаться от по-детски трогательной и непосредственной Аньки было уже нельзя. Тем более что остальные подруги постепенно отходили на задний план по причине появления в их жизни бойфрендов. Что бы там ни говорили феминистки, но мужчина – это дорожный указатель в судьбе каждой женщины. Он отмечает каждый очередной этап ее жизненного пути и указывает направление следующего. Надюшу много лет несло по пустынному шоссе без единого указателя, но с редкими дорожными знаками, в основном символизировавшими ограничение скорости. Мама всегда твердила ей, что нельзя торопиться с выбором. Выбора особого и не наблюдалось, зато любой новый знакомый подвергался жесточайшей и вполне справедливой критике. Уж что-что, а критиковать мама умела мастерски. В далекой юности Татьяна Павловна сама жестоко ошиблась, влюбив-

шись не в того. «Не тот» быстро исчез из ее жизни, а Надюша осталась. То ли как память, то ли как укор, то ли как испытание.

Кстати сказать, Фингалова маме тоже категорически не нравилась.

– Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты! – сердито напоминала она Надюше. – Будут думать, что вы из одной психушки. На редкость чокнутая девица. Просто невозможно слушать, как она излагает. «Не будете ли вы так любезны позвать вашу замечательную дочь к телефончику. Если только она не занята!!! Я ни в коем случае не смею ее отвлекать!» Тьфу!

Но на данном этапе никто, кроме Аньки, не был заинтересован в совместном поиске кавалеров. На безрыбье и рак оказался рыбой. Каждый раз успокаивая себя этой сентенцией, Надя вспоминала маленьких вяленых снетков, которых ела в далеком детстве у бабушки в деревне.

– Ну, мы готовы, – провозгласила Анька, разобравшись с челкой. – Кто со мной?

И она оттопырила костлявый локоток. В рядах мужчин произошло некоторое замешательство, в результате которого Алексей приобнял Надю и проворковал:

– А кто со мной?

Таким образом пары разделились к явному неудовольствию пухлого Кости и мадемуазель Фингаловой.

– Он для меня староват, – страдальчески прошептала Анна, видимо, считая кавалеров глухими. Костя тут же покраснел и обиженно прищурился.

– А для меня, можно подумать, в самый раз, – одними губами произнесла Надя и немедленно пожалела, так как Фингалова начала лезть ей в лицо и настойчиво переспрашивать, желая уточнений. Костя тоже заволновался. Возможно, Надино мнение было ему небезразлично.

– Может быть, девушки желают выпить? – дипломатично предположил Алексей, предчувствуя легкий скандалец.

– Желают, – агрессивно отреагировала Анна.

– Нет, – в унисон ей замотала головой Надя.

– Какая ты правильная. – Костя то ли одобрительно, то ли издевательски ухмыльнулся и тут же был перебит смирившейся с расстановкой сил Фингаловой:

– А я – порочная шалунья!

Она тряхнула одуванчиковой шевелюрой и странно улыбнулась.

– Какой ужас, – искренне испугался толстяк, жалея, что не уговорил друга спокойно попить пива в соседнем баре. Там тоже были девушки, причем более адекватные.

Хлебнув мартини, Фингалова пошла лихо отплясывать перед стойкой.

– Веселая у тебя подруга, – шепнул Алексей и даже, кажется, поцеловал. Или ей это только показалось? Голова кружилась, и организм потянуло на сумасбродства.

– Закажи ламбаду. – Анька утянула Костю в гущу танцующих и, не дожидаясь запрошенной мелодии, начала вытворять что-то страшное, мельтеша конечностями и размахивая прической.

– Давай сбежим. – Алексей шептал Надюше уже в другое ухо, превращая мысли в желе, а тело – в податливый воск.

– Я потом пожалею, – глупо хихикнула Надя, смутно понимая, что хихикает не ее воспитание, а бокал мартини, заглоченный на нервной почве едва ли не залпом.

– Так ведь это будет потом, – не унимался Алексей и даже попытался схватиться руками за ее блузку.

Слово «потом» срикошетило от мозга и шальной пулей вернулось в Надино сознание.

«Интересное кино, – подумала она вдруг так четко и ясно, словно побывала под ледяным душем или успела проспать-ся. – То есть я все-таки пожалею, и он этого не отрицает».

– Поехали ко мне, – пыхтел кавалер, торопливо досасывая свою порцию спиртного, видимо, опасаясь, что Надя согласится слишком быстро и он не успеет допить оплаченное.

– Я сейчас. – Надя ловко вывернулась и послала ему игривую улыбку. – Только Аньке скажу.

Ввинтившись в толпу, она обнаружила Финаглову висящей на Костике. Пара танцевала нечто медленное, невзирая на веселый рэп, под который судорожно дергались окружающие.

– Аньк, я ухожу, – проорала Надя, косясь на фингалов-

ского партнера. Тот понимающе хмыкнул.

– Пока, – мурлыкнула Фингалова и изобразила взмах ладошкой.

– Счастливо, – многозначительно добавил Костя и расплылся в улыбке, словно наглый кот, сожравший без спроса литр хозяйской сметаны.

«Все мужики уроды!» – свирепо подумала Надя, стремительно выбегая на сияющий ночными огнями проспект.

Через час, когда она выходила из метро на окраине города, оставшийся в клубе Леша нарезал круги вокруг благосклонно хихикающей блондинки, а Фингалова читала стихи разомлевшему Костику, волоча его вдоль сонной набережной.

Троллейбуса не было, маршруток тоже, зато народа на остановке столпилось как на первомайском салюте: все гомонили, веселились и провожали последний выходной день. Надя чувствовала себя лишней на чужом празднике жизни, как ворона на свадьбе или косо́й сугроб на изумрудно-весеннем газоне. Почему-то бросалось в глаза, что все женщины были со спутниками, за исключением сильно подвыпившей мадам преклонного возраста. И то бабулька норовила найти себе общество, привлекая внимание к своей покачивающейся персоне исполнением громких матерных частушек.

«Вот так женское естество стремится избежать одиночества, – потянуло Надежду на философию. – Мужчина мелок и жалок, но без него женщина не чувствует себя женщиной.

Женщина без мужчины – как лодка без весел, как муха без крыльев, как машина без колес...»

– Девушка, – оборвал ее философские потуги веселый басок. – Скучаете?

Худощавый русоволосый парень, явно моложе, с ярко выраженным хорошим настроением, серыми глазами и суперменской ямочкой на подбородке, доброжелательно улыбался где-то с высоты метр восемьдесят.

«...влюблюсь, буду бегать за ним, как кошка, потом он найдет другую. Возможно, мы перед этим даже успеем пожениться, а то и ребеночка смастерить. Наглый, самоуверенный красавчик. Фигура, морда... имеет право. А я – нет. Не имею. Я должна буду благодарить судьбу за то, что мне обломилось такое сокровище... Вообще хоть что-то обломилось, ибо не по Хуану сомбреро...» – пронеслось у нее в голове.

Совершенно неожиданно для себя Надежда зашипела, как гюрза, которой уверенно встали на хвост заскоружлым солдатским ботинком:

– А что? Желаете развеять мою тоску? Спляшете? Или, может, споете что-нибудь жизнеутверждающее? Исчезните!

– Да без проблем, – озадаченно пробормотал опешивший парень и действительно исчез, смешавшись с толпой на остановке.

– Дура! – обреченно простонала Надежда.

– Да уж, – подтвердила бабка-частушечница, отравив окружающую среду едким алкогольным запахом. – Хороший

мужик дается раз в жизни и в самый неподходящий момент.

– Только на нем не написано, что он хороший, – наставительно встряла в дискуссию полная брюнетка. – А он про себя наврет с три короба, как коробейник про китайские фонарики. Все плюсы – на словах, инструкция – иероглифами, батарейки в комплект не входят! Поверишь, купишься, приволочешь в дупло, а они не работают. – И брюнетка с отвращением оглянулась на печального дядьку, прислоненного к столбу. Дядька олицетворял собой безграничное отчаяние: брови домиком, нос картошкой и понуро обвислые усы, обтекающие исполненные обиды оттопыренные губы. Видимо, он тоже слишком поздно ознакомился с инструкцией к предмету обожания и теперь желал высказаться, но не мог по причине временной потери дикции. Страдалец влажными телячьими глазами проехал по Надежде и покрепче прижался щекой к столбу, пошевелив непослушными ногами.

– Стой спокойно! – рявкнула брюнетка. – А то опять в лужу брякнешься, горе луковое!

В этом ее «горе луковом» вдруг проскользнуло что-то такое, от чего стало ясно: хоть оно и горе, но его все же любят. Очень по-своему.

И тут Надя четко поняла, что не хочет быть вот такой вот теткой при вислоусом мужичонке. Вообще ни при каком не хочет. Зачем? Чтобы жалели? Чтобы ждать его пьяненького с работы? Чтобы ревновать ко всем и бояться однажды потерять? А в результате все же остаться одной, как мама.

– Ни за что! – твердо проговорила она вслух и бросилась штурмовать подъехавший троллейбус.

В этой жизни побеждают молодые и сильные. Удовлетворенно схватившись за поручень, Надя наблюдала, как тетка с шатающимся «горем луковым» тщетно пытается взгромоздиться на нижнюю ступень. Мужичонка, как балласт, тянул ее назад, безуспешно пытаясь закинуть организм в двери и безнадежно промахиваясь.

Народ веселился и давал взмокшей и злобящейся тетке советы.

Двое молодых парней, вдоволь нахихикавшись, наконец толкнули парочку внутрь. Двери закрылись, и троллейбус тронулся. Дядька тут же повалился на рядом стоящих пассажиров, невнятно радуясь чему-то и бормоча извинения. Спутница нарочито отворачивалась и пыталась сделать вид, что «багаж» не ее. Надя видела ее злое, покрывшееся красными пятнами лицо, и ей стало невыносимо жалко эту женщину.

«Наверное, была молоденькой, хорошенькой когда-то, замуж хотела. Потом нарвалась на этого тюфяка, вцепилась, лишь бы при мужике быть, и – пожалуйста, вот он, результат. Икает и ползает под ногами».

Надежда начала увлеченно высматривать в толпе подтверждение своей правоты. Действительность порадовала с точки зрения торжества логики и огорчила в плане перспектив. Мужчины вокруг подобрались на удивление несимпатично.

тичные, с бросающимися в глаза изъянами, как то: лысые, толстые, нетрезвые, губастые, похотливо улыбающиеся, хитромордые, жалкие... Продолжать можно было до бесконечности. Идеального мужчины не существовало не только в этом троллейбусе, но и в природе вообще. У самого идеального мог оказаться дурной характер, завышенная самооценка или неконтролируемая склонность к женскому полу вообще, перетекающая в безудержное перечисление и перепробование частностей.

Неожиданно она наткнулась на внимательный взгляд давешнего русоволосого парня и смутилась. Чувство неловкости, убежденность в собственных недавних выводах относительно мужского пола и желание все же найти исключение из правил переплелись самым причудливым образом, и Надежда с вызовом уставилась на оппонента. Она даже не знала, чего хочет больше: выйти из ситуации с гордо поднятой головой, мол, не надо нам ваших прекрасных глаз и прочих прилагающихся в нагрузку достоинств, или покорно отдаться на волю судьбы, отломив свой маленький кусочек счастья.

Оппонент пожал плечами и отвернулся.

«Сама дура», – откровенно расстроилась Надя. Все же счастья хотелось.

Вопреки последней хрупкой надежде, парень следом за ней не вышел, хотя девушка протаранила набившихся в салон сограждан и протиснулась на волю через ту дверь, где он стоял.

– Подумаешь, – едва сдерживая слезы, шмыгнула она, глядя вслед удаляющемуся шансу. Шанс в виде троллейбуса игриво покачивал рогами и предостерегающе светил красными огнями габариток. Посчитав, что угрожающе-красный свет и рога можно расценивать как попытку судьбы предотвратить возможный ошибочный шаг, Надя пошла домой.

– Ну и? – выплыла в прихожую мама в боевом настроении. Надежда напряглась. Будучи страстной поклонницей актрисы Татьяны Васильевой, мама выбрала как ориентир не только ее имидж, но и наиболее характерные роли. Войдя в образ, Татьяна Павловна основательно отравляла жизнь окружающим, а в частности – Наде. Жизнь – не кино, тут титры можно будет прочесть только на кладбище, и то, что последует после слова «конец», главного героя уже не волнует. Борьба Надюши с маминым амплуа пока успехом не увенчалась. Более того, когда маман подстриглась и перекрасилась, чтобы уже и внешне походить на великую актрису, Надя поняла, что проще сдаться, чем усложнять жизнь бессмысленной корридой.

– Да так, – она неопределенно пожала плечами, трусливо отводя глаза.

– То есть – никак, – уточнила Татьяна Павловна и понимающе хмыкнула. – Не могу сказать, что меня это удивляет или огорчает.

– Это почему это? – взвилась Надя. – Я не виновата, что

вокруг одни дефективные уроды, размахивающие первичными половыми признаками и считающие, что больше для счастья ничего не надо.

– О, ты была на мужском стриптизе? – оживилась маман. – Вот это уже лучше. Хватит строить из себя голубую кровь. В нашем роду дворян не имелось, так что будь просто женщиной, пользуйся мужиками без оглядки на воспитание и моральные принципы. Жить надо наполненной и яркой жизнью...

– Я не была на стриптизе, – перебила ее Надя. Мама явно собиралась поспорить, доказывая, что дочь живет неправильно.

– Интересно, – кивнула Татьяна Павловна. – А где же и чем они размахивали? Да на таком-то морозе. Судя по введению, вечер удался, а судя по твоей перевернутой физиологии – сатисфакции от мероприятия ты не получила.

– Мама, хватит...

– Ясненько, – продолжала глумиться мама. – Сатисфакция от слова «фак». Какие твои годы. Лучше уж никого не приводить, чем привести какое-нибудь недоразумение, которое потом начнет размножаться на нашей жилплощади.

– Мама!

– Я двадцать шесть лет мама. Можешь не напоминать. Склероза у меня пока еще нет.

– Я рада, – процедила Надя сквозь зубы, примериваясь, как бы половчее проскользнуть в ванную.

– А уж я-то как рада. Чем нам сегодня мужичье не угодило? Уж поделись опытом, а то у старушки-мамы нет возможности набираться ума-разума самостоятельно.

– Их интересует одно...

– Какая неожиданность. – Мама, как обычно, не давала договорить, демонстрируя проницательность и интеллектуальное превосходство над дурищей-дочкой. – Вот сюрприз-то. Это до тебя только сегодня дошло? Запомни, деточка: мужчина интересуется тем, чем ты его сама в состоянии заинтересовать. То есть сначала у них у всех один интерес, а потом все зависит от того, насколько у тебя хватит ума и интуиции.

– У меня с умом все в порядке! – взвизгнула Надя. У мамы снова получилось вывести ее из себя. Можно, конечно, сказать ей, что оттого и одна, что больно умная, но это запрещенный прием. Жест бессилия и признания собственного поражения. «Сам дурак» говорят только в тех случаях, когда сказать больше нечего. Следом за запрещенными приемами по логике следует моральная капитуляция краткосрочного победителя.

– И это не может не радовать, – степенно кивнула Татьяна Павловна.

Что еще может вывести из себя больше, чем спокойствие оппонента?

– Такое чувство, что вокруг все умные, а я одна – недоразвитая идиотка! – рявкнула Надежда, ринулась в ванную и

там от души наплакалась. Но легче не стало. Более того, русоволосый парень из троллейбуса навязчиво заполнял мысли и чувства, мешая независимому от мужиков существованию. Надя с ужасом прислушалась к внутренним ощущениям. И несколько раз повторила про себя:

– Только не это. Любви с первого взгляда нет. Только полная дура может влюбиться в смазливую мордашку, не зная человека. Только полная дура...

– Конечно, дура. И не жди, что я буду тебя утешать. Таких дур, милая моя, миллионы, а то и миллиарды по планете бегают. Причем каждая, называя себя дурой, уверена, что это не так. Чистое кокетство и нежелание смотреть правде в глаза. Выбрось это из головы, пока не поздно. Поверь моему опыту, так будет лучше для всех, и для тебя в первую очередь.

Уж что-что, а опыта у Виктории Красовской, с которой имела честь беседовать этим сумрачным утром Надюша, хватило бы на целую роту барышень. Вика была старше почти на двадцать лет и имела в анамнезе двух давным-давно брошенных мужей. Первый супруг трактовался как ошибка молодости и результат гормонального сдвига. Второй оставил после себя сына и отбыл на ПМЖ в далекий штат Техас. Вика презрительно называла его ковбоем и демонстративно радовалась, что вовремя успела бросить столь никчемное создание. На самом деле было неизвестно, кто кого бро-

сил первым, но Виктория категорически настаивала, что от настоящей женщины никто не уходит. А она была самой настоящей женщиной. Третий муж, Андрей, удержавшийся рядом дольше других, был тих, покорен и за свою покорность нещадно критикуем. Тем не менее от него Вика уходить не собиралась.

– Я – современная женщина и умею делать выводы, – объясняла она изумленной Надюше после очередной порции моральных помоев, вылитых на супруга. – Мне пятый десяток, я регулярно закрашиваю седину, имею зад далеко не модельного размера, морду не первой свежести и сына балбеса. И куда я со всем этим богатством попрусь от Андрюхиного налаженного бизнеса? То есть я бы и ушла, но вариантов нет, а уходить просто так – какой смысл? В каждом поступке, даже самом нелогичном, должна быть логика.

Викина логика была чересчур замысловатой, и Надя далеко не всегда ее понимала, но признаться стеснялась. На ее взгляд, независимая женщина должна быть независима во всем, а деньги не аргумент, чтобы жить с нелюбимым мужчиной. Другое дело, что нелюбимым Андрея никто не называл, поэтому взаимоотношения подруги и ее мужа оставались для Надюши тайной за семью печатями.

– Ты, Иванцова, вот что... – Вика задумчиво помолчала на том конце провода и резюмировала: – Переключись на кого-нибудь другого.

– Вик, на кого? Да они все уроды! Мне вообще никто не

нужен! И этот смазливый красавчик тоже!

– Разумеется, – вздохнула подруга. – Я так и поняла. Это уже диагноз. Именно потому, что он тебе не нужен, ты и расписывала его битых полчаса. Дело дрянь.

– Дрянь, – тут же согласилась Надя. – Слушай, как думаешь, если я подежурю на остановке, есть шанс попробовать еще раз?

– Попробовать что?

– Ну... познакомиться.

– Надюха, я тебе, конечно, соболезнаю, но ты же взрослая тетка. Задави змею в зародыше, думай о чем-нибудь другом.

– Он не змея, – нахохлилась Надя, немедленно обидевшись на некорректное сравнение.

– С прискорбием вам сообщаю, что вы, девушка, лечению не поддаетесь. Клин клином вышибают. Померзни, подожди, даже при встрече попробуй схватить его за рукав и проволочься некоторое время следом, бегло перечисляя свои неоспоримые достоинства. Возможно, он согласится с тобой переспать, и вы расстанетесь друзьями.

– Почему расстанемся? – уныло уточнила Надя. Хотя ей все было ясно. – Вика, я не хочу быть такой банальной жалкой бабой. Я не хочу навязываться.

– А что ты хочешь?

– Чтобы он сам.

– Чтобы мужик сделал сам то, чего ты от него ждешь, его надо к этому подвигу долго готовить. Неподготовленные эк-

земляры, как правило, неуправляемы и творят совершенно не то, на что мы рассчитываем. И даже подготовленные и выдрессированные иногда жрут своих дрессировщиков. – Вика протяжно вздохнула, видимо, вспомнив о чем-то своем.

– Как жить-то тяжело! – взывала Надежда и пнула коробку со старыми документами, стоящую под столом.

– Это еще не тяжело. Это фигня и детские заморочки. Мое последнее слово: найди себе занятие, требующее нервов, сил и времени.

– Так я уже нашла, похоже.

– Хватит лить сопли. Втюряться в неизвестного мужика с остановки – это не ахти какое достижение. А вот плюнуть на него – это достойно уважения. Хочешь, чтобы я тебя зауважала? Докажи, что есть за что. Кстати, можешь еще с мамой посоветоваться.

Надя даже хрюкнула от возмущения, представив, как советуется с мамой.

– Что это за предсмертный хрип? – напряглась Вика. – Надеюсь, ты не собираешься рыдать?

– Не, не собираюсь. Буду думать.

– Ну-ну...

Конечно, заслуживать Викино уважение столь диким и по-женски нелогичным способом Надя не собиралась. Советоваться с мамой – тоже. Если только с целью помотать себе нервы и услышать полный разбор полетов, сводящий все к

тому, что дочь – тряпка, никчемное создание и не боец. Татьяна Павловна вообще любила всех делить на бойцов и не бойцов. Она желала воспитать танк, уверенно движущийся по линии судьбы, подминая гусеницами возможные препятствия. Максимум, что пока получилось из Нади, – дамский велосипед, на котором можно было удираť от неприятностей. Тяжелой бронетехникой там и не пахло.

Как-то так сложилось, что диплом педагога и знание немецкого языка привели выпускницу педвуза в крохотную фирмочку на окраине города. Там платили чуть больше, чем в школе, мало требовали и легко давали отгулы. Надежда занимала должность секретаря при директоре и при случае всегда норовила вернуть в разговоре, что является ассистентом генерального. Впечатление это производило только на Фингалову, которая пристроилась учителем начальных классов в ближайшую школу и вдохновенно воевала с родителями, педколлективом и личной жизнью в лице ботаника. Родители неправильно воспитывали детей, педколлектив состоял по большей части из консервативных теток, болезненно реагировавших на фингаловские выкрутасы, а ботаник, вопреки своей профессии бывший вполне интересным и крепким мужичком, не желал быть частью Анькиной личной жизни.

– Хорошо тебе, – с доброй завистью тянула Фингалова. – А мне даже на больничном не посидеть. И отпуск только летом, а я, может, в горы хочу. Альпинисткой или горнолыж-

ницей. Нашла бы себе пару...

– Ты же не умеешь, – напоминала Надя.

– Человек не может знать, на что способен, а на что нет, пока не попробует и не убедится сам. Понимаешь? – наставительно хмурилась Фингалова. Видимо, имелось в виду, что способности определялись по количеству неповрежденных частей тела. Пара костылей – может, что-нибудь и получится, летальный исход – значит, просто надо заняться другим видом экстрима, но уже кому-нибудь другому.

Надя не понимала, но и спорить не собиралась. У нее была своя, простенькая и обыденная жизнь, слегка обезображенная невнятным чувством неудовлетворенности в достигнутых результатах.

Вика, однажды приехавшая к ней на работу, тут же вынесла вердикт:

– Резать, не дожидаясь перитонита. Ты, Иванцова, совсем сбрендилa. С высшим образованием сидеть в этом сарае! Оторви зад от своего колченогого стула, кстати, могли бы хоть рабочее место оформить достойно, и ищи себя где-нибудь в другом месте. Человек живет, пока штурмует следующую ступень. Если ты считаешь, что достигла высшей ступени, то оглянись – вокруг должны быть кресты и могилки. Ибо только на кладбище можно успокоиться и перестать рвать у жизни зубами все недодаденное, так как это обусловлено физической невозможностью трепыхаться. А вообще я была о тебе лучшего мнения.

Надюшины доводы, что место тихое, надежное, без интриг, подсиживаний и домогательств со стороны начальства, Вику не убедили.

– Болото, – махнула она рукой. – Натуральное болото. И лучше б уж начальство тебя домогалось, хоть какое-то разнообразие.

– Да ты что! – перепугалась Надя, представив, как шуплый, плешивый, шестидесятилетний Арон Яковлевич ее домогается, потея от волнения и ежесекундно поправляя очки.

– Во! – Вика торжествующе заржала. – А начальство должно быть таким, чтобы тебя при мысли об интиме не перекашивало!

– Зачем? На кой леший мне такое начальство?

– Вариантов много. Интим может привести к выгодному замужеству, если, конечно, возникнет любовь, или к продвижению по карьерной лестнице. Или к увольнению с треском и, как следствие, к необходимости бороться за место под солнцем. Поверь мне: человек, выброшенный за борт, может добиться гораздо большего, чем овощ, произрастающий в тепличных условиях. Кроме того, отказ от интима может стать причиной спонтанного возникновения уважения к тебе со стороны отвергнутого босса, и в результате ты опять же либо пойдешь по карьерной лестнице, либо будешь глотать соленую водичку за бортом и грести в направлении более светлого и благоустроенного будущего.

Вика знала, о чем говорила. Она была женщина-торнадо,

вокруг которой постоянно кипели страсти. Работая в гостинице, она бурлила в центре интриг, звездных сплетен и шагала по карьерной лестнице, больше похожей на американские горки. Надя была уверена: бесшабашность подруги объяснялась одним – падать за борт, зная, что тебя выловит материально надежный и стабильный супруг, предоставив не только надувной плот, но и оборудованную по последнему слову техники яхту, не так уж страшно. С другой стороны, Вика была настолько уверена в себе, что и окружающие этой уверенностью проникались, стараясь лишней раз не перебежать дорогу. Надя, имевшая в тылу только одинокую маму, готовую не только поддержать, но и утопить поглубже в качестве эксперимента: вдруг в результате все же вынырнет долгожданный танк, – рисковать не хотела. Она была слишком благоразумна для столь кардинальных действий. Уж лучше тихое, но стабильное болото, чем африканское сафари без гида и оружия.

Мама, кстати, была целиком и полностью на Викиной стороне.

– Вот настрижет твой Яковлевич денег и уйдет на заслуженный отдых, – вдалбливала она Наде, наивно полагая, что, напугав пессимистическими перспективами, сможет сдвинуть дочь с насиженного места. – А тебе уже за тридцатник будет. Невнятная профессия, невнятный диплом и ноль опыта работы в западной компании. Именно такие, с опытом работы в приличных заведениях, сейчас и нужны. Остальные

в пролете. Ты хотя бы объявления о работе читаешь?

– А ты что? Читаешь? Я пока еще не безработная, чтобы тратить время и нервы на вычитывание космических зарплат, обещаемых неизвестно кем, неизвестно где и неизвестно за что! – взвивалась Надя. Подсознательно Надежда понимала, что обе правы, но она не относилась к категории любителей острых ощущений. Дайвинг, парашют, резкая смена обстановки и прочие прелести жизни не для нее.

– В твое болото принц не придет, не жди, – вторила маме Вика. – В крайнем случае – какой-нибудь пупырчатый жаб. Ты, Надюха, бестолочь. Мне б твои годы, я бы горы свернула, я бы всю жизнь иначе прожила! Лови удачу за хвост, пока он не истлел и не отвалился от старости!

Где обретается удача и где у нее расположен хвост, Надя не знала. Ей было спокойнее без этих знаний и отправляться на поиски не хотелось. Тем более что, невзирая на физиологию, без мужчины, как постоянной величины, вполне можно было обойтись. Другое дело, что никто не претендовал не только на постоянную величину, но и на временную. А очень сложно быть гордой и неприступной, когда тебя никто не штурмует.

Арон Яковлевич несколько раз прошмыгнул мимо секретарши, восседавшей с перевернутым лицом и глазами на мокром месте, и затаился в кабинете. Ближе к обеду он снова начал дефилировать мимо Нади, томно вздыхая и покашли-

вая, из чего она сделала вывод, что шефу от нее что-то нужно. Причем это «что-то» выходило за рамки ее служебных обязанностей. В противном случае он просто позвонил бы по местному телефону и дал цеу.

Поймав его бегаящий взгляд, Надежда, уже полчаса как решившая числить всех мужчин хозяйственным инвентарем и в корне поменявшая подход к себе, к жизни и к сильному полу, высокомерно поинтересовалась:

– Вы что-то хотели?

В принципе интеллигентнейший Арон Яковлевич Клякман ничего плохого ей никогда не делал. Более того, относился к секретарю как к равной, с подчеркнутым уважением и отеческой любовью. Уважение было ежедневным, отеческая любовь – по праздникам.

– Наденька, у меня к вам деликатная просьба, – мучительно покраснел и закашлялся Клякман. Кашлял он так долго и натужно, что Наде пришлось встать и постучать по тощей старческой спине, дабы подавившийся своей просьбой шеф не скончался у нее на руках.

– Слушаю, – смягчилась она.

Арон Яковлевич сначала вытирал слезящиеся глаза гигантским клетчатым платком, потом достал другой платок, тоже похожий на сложенную в несколько раз простыню, и начал увлеченно тереть очки, сосредоточенно рассматривая их на свет. Наконец, собравшись с силами, босс выдохнул:

– Вы же не замужем?

Издав неприличный смешок, могущий означать что угодно, вплоть до трактовки в совершенно противоположном смысле, Надежда налегла на стол и открыла рот в ожидании пояснений.

– Вы знаете, я давно живу один. Я всегда достаточно хорошо к вам относился. Я из приличной семьи. – Клякман, увлекшись перечислением достоинств, даже успокоился и начал загибать пальцы.

Надя тихо съезжала по стулу, понимая, что ее карьере секретарши при тихом боссе пришел конец. Даже не конец, а полнейший крах. Вот тебе и перспективы интима, независимость от мужиков и надежное место. Нет в этом мире ничего постоянного.

– ...У меня трехкомнатная квартира в приличном районе, – несло Арона Яковлевича. – Евроремонт, мебель, картины еще из коллекции моего дедушки! Вы представляете?!

Надя не представляла. И в первую очередь не представляла, как отказать разошедшемуся деду так, чтобы сохранить не только чувство собственного достоинства, но и рабочее место. Здравый смысл подсказывал, что задача непосильная.

– А антиквариат? Я поставил самую надежную сигнализацию! Вы знаете, Наденька, это выходит чрезвычайно дорого, но коллекция того стоит! Но в этой огромной квартире я совершенно, чудовищно и безнадежно одинок! Вы понимаете?

Секретарша промычала нечто совсем уж нечленораздельное и начала сосредоточенно скovyривать с полировки за-

старелое чернильное пятно.

– Вы следите за моей мыслью? – забеспокоился вдруг увлекшийся дифирамбами в свою честь Арон Яковлевич.

– Угу, – опасно подтвердила Надя.

Пятно не поддавалось, и она вдруг подумала, что и вся ее жизнь похожа на такое же никому не нужное пятно. Что в активе? Средненькая внешность, высшее образование, непонятная профессия и гордо-убогое одиночество. В перспективе – туман. Арон Яковлевич как перспектива даже не рассматривался. Единственное, на что была готова напрячься Надежда, это попытаться выкрутиться из щекотливой ситуации и все же сохранить работу. Хотя бы временно, пока не найдет другое место.

– Я не настаиваю ни на чем, ни в коем случае, – пробивался сквозь плотную стену секретарских мыслей и переживаний дребезжащий дискант. – Просто общение, может быть, хороший ресторан, театр... Ну, не знаю, что там еще вас интересует. В какой-нибудь клуб... э-э-э-э-э... заколбаситься?

Надя булькнула утробным смехом, представив Клякмана, «колбасящегося» в ритме хип-хопа. Душераздирающее зрелище, как сказал бы ослик Иа.

– Нет-нет, я понимаю, что вы высокоинтеллектуальная девушка, просто подумал, что так будет проще найти общий язык. Неудачная шутка. Я очень волнуюсь, вы же понимаете.

– Понимаю, – протянула Надежда и попыталась сосредоточиться. «Если отказать, то стопроцентно обидится. Согла-

шаться на общение? Исключено. Даже ради того, чтобы время протянуть. – не буду!»

– ...Ваш ровесник. Почти. Тридцать восемь лет – это же самый расцвет сил! Согласитесь! – суетился Клякман.

«Ну, ты, дед, загнул! – мысленно констатировала Надя и обалдело оглядела начальника с ног до головы. – Два раза по тридцать восемь – это да».

– Кому тридцать восемь? Чего тридцать восемь? – помимо воли выдал вслух вскипевший от волнения секретарский мозг.

– Так Левочке же! Тридцать восемь лет. Вы практически ровесники! – всплеснул лапками Арон Яковлевич и умоляюще изогнулся, чтобы изучить Надеждино выражение лица и понадевать выводы.

– Мне двадцать шесть! – внезапно оскорбилась Надя. Напряжение отпустило. Неизвестного Левочку можно запросто шугануть. Левочка – не Клякман, она ему точно ничего не должна.

Как выяснилось позже, Левочка был не просто Клякман, а Лев Аронович Клякман, родной сын босса, давно отбывший на историческую родину, а теперь почему-то вернувшийся. Покатав на языке его имя, Надя поняла, что допускать кавалера до мамы никак нельзя. Это был один из тех вариантов, который мог бы безоговорочно устроить требовательную тещу. Они бы нашли друг друга, как две половинки одной разорванной банкноты, и гоняли бы Надю и друг дружку

всю оставшуюся жизнь.

– Вот фото. – Арон Яковлевич сунул ей фотографию мордатого мужичка с наглым уверенным взглядом и копной смоляных волос. – Орел, правда?

«Судя по «клюву» – орел», – немедленно согласилась про себя Надя. А вслух она согласилась на встречу. Во-первых, не стоило отказывать шефу, пока он еще таковым являлся. А случившееся говорило о том, что все в этой жизни не вечно, так что шефа, равно как и колченогий стул в его приемной, пора было сменить на что-нибудь другое. Вика с мамой, как это ни прискорбно, оказались правы. Во-вторых, учитывая тот факт, что она все равно решила уходить, стоило воспользоваться подвернувшимся экземпляром для повышения собственной самооценки и для оттачивания методов борьбы с враждебным полом, не желавшим признавать Надину независимость. Собственно, сильный пол вообще не желал признавать не только ее независимость, но и сам факт Надиного существования, демонстративно игнорируя ее наличие.

– Как я рад! Как вы меня выручили! – восторженно чирикал Арон Яковлевич, нарезая круги по приемной. – Левочка заедет за вами к концу рабочего дня.

«Ну и темпы! – восхитилась Надя. – Надо же, как человеку жениться приспичило».

И тут ее осенило, что вовсе необязательно, что незнакомый Левочка желает жениться. Вполне возможно, что он

просто решил гульнуть, сэкономив на оплате профессионалок, а заодно подстраховавшись по медицинской части. Вполне возможно, что дома у него сидит жена шестидесятого размера и штук шесть детей. Пофантазировав на эту увлекательную тему, Надюша прониклась к будущему кавалеру чувством глубочайшей неприязни.

От мстительных раздумий ее отвлек звонок Фингаловой.

– Надя, я влюбилась! – завопила Анька, забыв поздороваться.

– Вот неожиданность-то, – вяло удивилась Надя. В мыслях она как раз дошла до момента сватовства, когда жалкий Лева пытался навязать ей кольцо с бриллиантом, а она лишь надменно смеялась в ответ. Получалось очень красиво и жизнеутверждающе. Фингалова же своим дурацким воплем сбила весь эмоциональный накал сцены.

– Ты влюбляешься раз в неделю. Уже давно могла бы привыкнуть и не впечатляться так сильно.

– Ты не понимаешь! – взвыла Фингалова. – Он потрясающий. Я про него стих написала!

Это тоже было не ново. Про каждого своего возлюбленного Анька писала корявенькие стихи, которые потом зачитывала, завывая на манер Беллы Ахмадулиной. Только в отличие от великой поэтессы Анька декламировала совершеннейшую чушь.

– Костику понравилось, – счастливо взвизгнула Фингалова. – Он попросил еще.

– В смысле?

– Еще что-нибудь про него сочинить. Он сказал, что раньше ему девушки стихов не писали.

Надежда презрительно ухмыльнулась, вспомнив пухлого Костика. Не удивительно! Но расстраивать Фингалову не стала. Тем более что примерно через неделю, как обычно, уставший от фингаловского напора кавалер позорно сбежит, а Анна наваяет очередной тоскливый шедевр суицидальной направленности.

– Хочешь, прочту? – предложила поэтесса, не дождав-
шись от подруги закономерной вежливой просьбы продекла-
мировать новое творение.

– Нет, – твердо ответила Надя.

– Ну, слушай:

Я смотрела в твои глаза,
А из них покатилась слеза,
Ты луну взял в могучий кулак,
Без тебя не могу я никак...

– Ань, потрясающе! Дальше не надо, а то я заплачу, –
взмолилась Надежда. Опусы Фингаловой вызывали у нее
чесотку и легкую головную боль, примерно как занудные
вскрики неисправной сигнализации на какой-нибудь старой
колымаге в два часа ночи.

– Так дальше все самое интересное!

Что могло быть интереснее луны в могучем кулаке, Надя

не знала и знать не хотела. Переключить Аньку со стихов на прозу можно было только одним:

– У вас что-нибудь было?

– Ты что! – ужаснулась Фингалова, тут же забыв про оду. – Разве я такая?

На взгляд Нади и кавалеров, Анька вообще была никакая. Ее твердое убеждение, что первый опыт и брачная ночь неразделимы, мешало ей устроить личную жизнь хоть с кем-нибудь.

– Он телефон взял?

– Нет, – хихикнула Анька. – Когда я стала прощаться, Костик вдруг так засмутился, что чуть не забыл взять номер. Я сама дала.

Тягостно вздохнув, Надюша представила себе сцену прощания: пухлощекий Костик, вознамерившийся развлечься и запланировавший бурную ночь с утонченной натурой, на ходу лепящей вирши в его честь, был обломан самым подлым образом. Фингалова дотащила его до подъезда и попрощалась, втиснув напоследок номер телефона для продолжения платонических отношений. Этот этап проходили все редкие фингаловские ухажеры. То есть ухажерами их можно было назвать с большим натягом: Анна залавливала себе подобных дохляков, строящих из себя интеллигентов, а на самом деле уставших от половой невостробованности и принимавших фингаловскую сущность за временное кокетство. Исключением в пляде «ботаников» был все тот же неподдаю-

щийся учитель биологии из Анькиной школы и розовощекий курсант из далекого сибирского села, наивно хлопавший глазами и боготворивший Анну в течение целого семестра. Потом приехала его мама с гостинцами и познакомилась с Фингаловой, вернее, глянула в ее сторону и тут же поджала губы. Скорее всего, хозяйственная мамаша вправила размлевшему от стихов сыну мозги, так как после ее отъезда парень сначала попытался произвести инвентаризацию Анькиных прелестей, а получив по физиономии, отбыл в расположение училища и более на горизонте не появлялся. Как ни странно, но даже самые жалкие бюджетники, больше похожие на суповой набор в дешевой упаковке, после стихов хотели котлет и женского тела.

Однажды, когда очередной младший научный сотрудник исчез с горизонта, даже не попрощавшись, Анька приехала к Наде домой и, надрывно рыдая, приставала с одним вопросом:

– Почему они все уходят? Ну почему? Разве женщина обязательно должна маяться у плиты, а потом прыгать в постель? Это же так неромантично, так неженственно! Мужчина должен меня уважать, а не использовать для удовлетворения своих инстинктов!

– А мужики считают, что женщина должна уважать его инстинкты, – встряла в разговор Татьяна Павловна, куда-то убежавшая, но не пожалевшая пяти минут на порчу настроения двум не приспособленным к действительности дури-

щам. – Жизнь – это танго: сначала ты делаешь шаг навстречу, потом отступаешь, дразнишь, вынуждая шагнуть мужчину следом за тобой. Если стоять столбом, то, милые мои, на столб только собаки. . . Ну, вы в курсе. Рекомендую подумать на досуге над моими словами.

– Почему столб? – вежливо поинтересовалась Анька. Судя по тону, она была не согласна, но спорить с чужой мамой не отважилась. – А если я статуя? Красивая статуя девушки с веслом, например?

Попытки переговорить Татьяну Павловну не имели никаких шансов на успех.

– На статую девушки с веслом, раз уж ты себя так высоко ставишь, садятся голуби, а мужики танцуют рядом танго с нормальными бабами, которые без весел, зато с мозгами. Или с ногами. И если вам природа не дала длинных ног и прочих весел, то будьте хотя бы умнее и хитрее.

Фингалова поняла тогда Татьяну Павловну превратно. Она решила строить из себя разбитную девицу, полагая, что мужик – мышь, а подобная модель поведения – сыр в мышеловке. Анна вознамерилась ограничиваться заманиванием в сети, а потом огорошивать пойманную дичь своей истинной возвышенной сущностью.

– Мужик примитивен, – решила Фингалова. – Надо быть ближе к контингенту.

Поскольку эксперимент был еще в разгаре, предсказать результат не представлялось возможным. Статистика отсут-

ствовала. Костик стал ее первым подопытным, который клюнул на предложенный кусок сыра.

Обещанный Левочка прибыл с точностью курьерского поезда, ровно к моменту окончания рабочего дня. Надя радоваться появлению ухажера не спешила. К вечеру она успела вывести собственную теорию касательно взаимоотношения полов, основываясь на своем небогатом опыте и наблюдениях за посторонними семейными сценами. Из этой теории следовало, что мужчины подобны колонии муравьев: они падки на сладкое, заполняют собою все пространство, лезут, куда нельзя, кусаются, отравляют жизнь, а вот избавиться от столь невыгодного для дам соседства – задача трудно-выполнимая. Получалось, что лучше вообще не ввязываться в авантюру под названием «поиск партнера». Партнерство подразумевает двусторонний профит от сделки. Если же все плюсы заключаются лишь в возможности прилюдно повисеть на чьем-то локте с видом собственницы, а все остальное – сплошные минусы и проблемы, то зачем оно все надо? Не было у бабы хлопот – купила баба порося...

«Порося» оказался полноценным боровом с соответствующими габаритами и маленькими свинячьими глазками, воткнутыми под кустистые брови, словно две маслины. Левочка был намного выше, чем Надя предполагала, и старше, чем на папашином фото.

«Лет эдак на десять старше», – с неудовольствием поды-

тожила Надюша.

– Не понравился! – жизнерадостно гоготнул Лев Аронович бархатным голосом. За такой голос легко можно было простить и круглое пузцо, нависавшее над штанами, и широкую, словно каравай у хлебосольной хозяйки, физиономию, и глазки-пуговики.

Надя пожала плечами, мимолетно смутившись. Ставить эксперименты на младшем Клякмане можно было только при одном условии – подопытный должен молчать. Но тот, скорее всего, зная о своем неоспоримом плюсе, нагло им пользовался, парализуя Надюшину волю к победе над всем мужским полом и отдельными его представителями.

– Я не делаю скоропалительных выводов. – Она попыталась высокомерно улыбнуться, изобразив особу царских кровей, потревоженную холопом, но фокус явно не удался. Во всяком случае, Левочка весьма непочтительно хмыкнул и отключил полный локоть, видимо, предлагая барышне за него уцепиться. Его оливковые глаза излучали добродушное понимание, навевая мысли о рентгене. Надя почувствовала себя описавшимся щенком, пытающимся собственным задом прикрыть свежесотворенную лужу.

– Итак? – Лев Аронович поиграл брежневскими бровями и улыбнулся безупречными зубами, словно самодовольный рояль.

«Небось к дорогому стоматологу ходит», – неожиданно подумала Надя, и ей стало себя жалко. Один из нижних пра-

вых зубов давно ныл, но она малодушно игнорировала тревожные симптомы. Мысль о районном стоматологе вызывала неприятный зуд в мозгу и холод в пятках.

– Это вопрос? – Она тоже подвигала бровями и уставилась на кавалера, изобразив проницательную и мудрую черепаху.

– Это призыв! – Клякман снова радостно продемонстрировал зубы. – Не знаю, как вы, а я безумно голоден.

– Сочувствую. – Надя твердо решила не давать себя в обиду и попыталась разозлиться, чтобы не таять от его возмутительно обволакивающего голоса. Получалось плохо. В моральном плане она казалась сама себе кактусом после черномыльского дождя, пытающимся ошметиниться остатками колочек. Выходило жалко и неубедительно.

– Да что вы, милая! Мне таки не нужно сочувствия. Мне нужно общество. Дамское. И кусок мяса.

«Издевается, что ли?» – заволновалась Надя. Но ничего остроумного и хлесткого ей в голову не приходило.

– Все мысли написаны у вас на лбу, – вдруг сообщил Левочка и ласково улыбнулся, словно кот, только что сожравший мышь и пытающийся подбодрить ее осиротевшую семью.

Надя, у которой на данном этапе вместо мыслей в голове образовался некоторый вакуум, засасывающий в пустоту лишь факты из окружающего пейзажа, вдруг разозлилась.

«Тоже мне – телепат!» – раздраженно подумала она и картинно всплеснула руками:

– Да что вы говорите? Таки написаны? А как же быть с постулатом, что женщины вообще не способны на мыслительную деятельность?

– Постулат не мой, – любезно проинформировал ее Клякман. – А скажите, м-м-м-м, Надежда, вы презираете мужчин как класс или это только я пришелся не ко двору?

«Это он на комплимент напрашивается или намекает на что-то?» – окончательно рассвирепела Надя, ощущая себя тлей под микроскопом. Ее разглядывали, делали выводы и опутывали паутиной многообещающего голоса, а она лишь жалко барахталась на спине.

– Ко двору, ко двору, – сдалась Надежда, мысленно оправдывая свою капитуляцию боязнью потерять работу.

– Благодарствую. – Левочка отвесил ей шутовской поклон и снова оттопырил локоть. – Так мы пришли к консенсусу или будем продолжать бодаться?

И тут Клякман совершенно неожиданно сделал ей «козу». Надя шарахнулась в сторону, больно ударившись бедром о стол.

– Однако. – Левочка крепко взял ее за плечо и повернул к свету. – А что, прелесть моя, папаша-то мой уж не лупит ли вас тут часом? Какая-то вы запуганная. Конечно, покорная женщина – клад для хозяйства, но не до такой же степени. Кстати, я люблю строптивых.

Надюша последовательно залилась краской, потом возмутилась и тут же стала выстраивать линию поведения, подсо-

знательно пытаясь впихнуть в эту самую линию Левочкины предпочтения.

Клякман оказался галантен, остроумен и до обидного проницателен. Надежда была для него не просто открытой книгой, а вообще – букварем. Обаяние исходило от Льва Ароновича мощными океанскими волнами романтического прибоя, то накрывая с головой, то откатываясь и оставляя жертву жалкой и вымокшей с ног до головы. Он играл с ней весь вечер как кот с мышью. А когда Надежде наконец надоело ерепениться, пытаться переплюнуть кавалера в остроумии и она даже начала прикидывать, как именно отказываться от продолжения банкета, чтобы не отказаться совсем и дать себя уговорить, Левочка красиво посадил ее в такси и отправил домой. То есть он даже не проводил, не говоря уже о прощальном поцелуе, который Надежда, разгоряченная шампанским, представляла себе то так, то эдак.

– Ах ты, гад носатый, – в сердцах рыкнула она, когда осознала, что несется на приличной скорости в прокуренном салоне слегка раздолбанной «Волги». – Ненавижу мужиков! Не-на–ви-жу!

– Мне выйти? – флегматично поинтересовался водитель, мельком глянув на буйную пассажирку в зеркало заднего вида.

– Ничего, потерплю, – буркнула Надя и мрачно уставилась в окно.

– И где ты была? – Мама с любопытством оглядела ее с ног до головы и ответила сама себе: – Помада на месте, на лице – мировая скорбь. Нигде не была.

– Я была в ресторане. – Наде вдруг стало невыносимо горько, что с ней всем все ясно. Даже маме хватило секунды, чтобы понять всю ее бесперспективность и неудачливость на данном этапе.

– Значит, ужинать не будешь?

– С мужчиной! – рявкнула Надя. Желание прихвастнуть, соврать, чтобы хоть на мгновение и самой поверить в собственную ложь, раздувалось в груди, словно шарик, грозящий вот-вот с грохотом лопнуть.

– Это не мужчина. Тебе показалось, – отрезала Татьяна Павловна.

– Ничего мне не...

– Девочка моя! Если бы он был мужчиной, то ты была бы сейчас с ним, после ресторана-то, а не топтала пол в коридоре.

– Он меня уважает. Ты что, не допускаешь мысли, что не все мужики интересуются только моей физиологией?

– В последнее время у меня возникли серьезные опасения, что твоя физиология интересует лишь районного гинеколога, да и то исключительно в профессиональных целях, – скорбно констатировала мама. – Нежную и трепетную женскую душу после похода в ресторан изучают только импотенты. А уважение, которым ты так кичишься, нормальную

женщину должно оскорблять.

Иногда Наде казалось, что мама ее ненавидит или даже завидует, изводя бесконечными поучениями и натуралистической направленностью своих сомнительных теорий. Угодить на мать никак не получалось. Если кавалер сразу шел на сближение и ломился «в опочивальню», то Татьяна Павловна, вместо того чтобы спокойно отбыть на дачу и дать дочери возможность устроить личную жизнь, принципиально оставалась дома. Загнанного на чаепитие самца сначала долго и вдумчиво доводили до белого каления допросом с пристрастием, а после его позорного бегства мама резюмировала:

– Хомяк, готовый к спариванию сразу и все равно с кем, безусловно, хорош, но только в трехлитровой банке и в паре с хомячихой. Хотя, если моей дочери импонируют именно такие примитивы, использующие женщин для удовлетворения своего сиюминутного рефлекса, то я не вправе мешать. Ты уже выросла и вполне в состоянии выбрать среду обитания самостоятельно. Равно как и окружение. Только запомни: если мужчина не тратит время на то, чтобы хоть как-то обставить свой наскок, то это никакой не роман и не любовь, а элементарное удовлетворение физиологических потребностей. Ты просто подвернулась. Хочет есть – ест, что ближе лежит. Хочет пить – пьет, что наливают. Хочет секса – берет то, что не сильно быстро бегают. Ты, моя дорогая, похоже, вообще – не только не убегаешь, а просто сама напрашива-

ешься на подобное отношение.

Слушать все это было невыносимо обидно. Зато когда в жизни Надюши появлялся какой-то намек на кавалера, претендующего на романтические отношения, Татьяна Павловна презрительно кривила губы и предлагала варианты на выбор: несостоятелен как мужчина или же не знает, как отказать навязавшейся на его голову девице.

Феминисткой мама не была, у нее постоянно были какие-то ухажеры, но тем не менее она была свято уверена, что «домашний скот» – это вовсе не животное, приносящее пользу крестьянскому хозяйству, а мужик с пивом и газетой перед орущим телевизором.

Надя унеслась на кухню, оскорбленно стуча пятками. Хотелось горячего чая и тишины.

– Твоя ненормальная уже обзвонилась. У нее там прорыв на любовном фронте, – как ни в чем не бывало сообщила мама. – Хотелось бы взглянуть на тело павшего бойца. Просто так, из любопытства.

– Хочешь, приглашу в гости? – разъяренно прошипела Надюша. – У тебя будет повод ткнуть меня носом в тот печальный факт, что даже Фингалова нашла себе пару. А твою дочь все уважают как товарища по партийной борьбе и не видят в ней женщину! Потому что никакой женщины в ней нет! Я урод! Моральный и физический! Не повезло тебе с дочуркой!

– Прекрати истерику, – спокойно прервала ее визг Татьяна Павловна и аппетитно погремела ложечкой в кофейной банке. – Из тебя комплексы лезут, как фарш из электромясорубки: густо и безостановочно. Для женщины важен результат – с кем она останется в итоге. А для мужика – процесс, так как он изначально планирует идти покорять следующую вершину, не останавливаясь на достигнутом. Если самец того стоит, то твоя задача – убедить его в том, что ты не промежуточная стоянка, а пик Коммунизма и больше твоему альпинисту в горах искать нечего. Не важно, кто успеет хапнуть своего мужика быстрее, важно, чтобы мужик был именно твой. Каждой Золушке – своя туфелька. Если у тебя нормальный тридцать седьмой размер, то ни тридцать пятый, ни сороковой тебе не подойдут. Ловишь мысль?

Надя всю жизнь только и делала, что ловила умные мамыны мысли, старательно их переваривая и раскладывая по полочкам. В итоге получилась легкая свалка из прямо противоположных постулатов, требующая немедленной генеральной уборки.

– Не ловлю! – упрямо мотнула головой все еще не остывшая от обиды Надя.

– Не мужик и был, – пояснила мама. – Даже если он тебе понравился. Он тебе – да, а ты ему – нет. Значит – не твой.

– Да не нужен он мне!

– Вот и хорошо.

– Мне вообще никто не нужен. Лучше жить одной и ни

от кого не зависеть! – Надя плеснула в кружку кипяток и с остервенением начала утаптывать ложкой пакетик. Чай медленно менял цвет с неприличного на аппетитный.

– Одной трудно. Поверь мне. Нужен хотя бы ребенок.

– Угу, – мрачно телеграфировала Надюша. – Чтобы было кому перед смертью стакан воды поднести.

– Вот еще, – фыркнула Татьяна Павловна. – Слишком много мороки ради одного стакана. Да и не всякий отпрыск подаст, кстати. Человек создан для любви. А ребенок – это единственное существо, которое плоть от плоти твоей. Это не мужик, который мечется, как комар среди голых задниц: то за одну укусит, то за другую. Если тебе не повезет и ты не встретишь мужчину, которого сможешь полюбить, то хотя бы роди ребенка.

– Если я не встречу мужчину, то каким ветром мне младенца-то надует? – насмешливо прищурилась Надя.

– Любим попутным. Выбрать более-менее здорового племенного быка для продолжения потомства намного проще, чем встретить мужчину своей мечты.

– То есть ты нашла быка...

– Я ошиблась, – перебила ее мама. – И очень хочу, чтобы ты мои ошибки не повторяла. Я влюбилась не в своего мужчину. Такое бывает довольно часто. Нельзя быть слабой, когда речь идет о твоей судьбе. Он сломал мне жизнь. Вернее, я сама себе все сломала. Надо было плюнуть, отказаться, а я решила побороться. Кстати, будь уверена: ни одного мужчи-

ну нельзя привязать к себе ребенком. Поверь моему печальному опыту. Это дело времени, рано или поздно свободолюбивая мужская сущность перегрызет цепь и рванет в открытое море. Ребенок – для сердца, мужик – для всего остального. Детей мы рожаем для себя.

– Я не поняла, – вдруг напряглась Надя. – А чего это мы углубились в детскую тему?

– На всякий случай. – Татьяна Павловна смачно хлебнула обжигающего кофе и, подумав, досыпала еще сахара. – У тебя есть еще пятилетка для демонстрации своего инфантилизма. Потом нужно будет срочно искать папашку для моего внука. Одноразового. Поскольку посторонние на моей территории будут безжалостно изничтожаться. Пачкать и переводить продукты мы и сами умеем, помощники нам не нужны.

Чтобы прервать неприятную дискуссию в одностороннем порядке, Надя решила позвонить Фингаловой.

– Наденька, я на седьмом небе! – завопила та, едва услышав в трубке Надин голос. – Он приглашает меня на дачу! С ночевкой! То есть он решился, представляешь?!

– Ань, по-моему, на ночевку готов любой мужик. Причем с самого начала. Вся проблема только в том, когда мы согласимся и согласимся ли, – в духе собственной мамы принялась умничать Надя. – Или ты его долго уговаривала и наконец уломала?

Собственно, учитывая неординарность Фингаловой, по-

следний вариант тоже вполне имел право на существование.

– Нет, что ты! Он вообще очень стеснительный. Костик сказал, что там очень красиво и романтично. Он считает, что у меня там создается поэтическое настроение и я еще что-нибудь для него напишу. О сексе даже речи не было.

– То есть вы едете туда ваять вирши в честь Костика? – хрюкнула Надюша, давясь рвущимся на свободу смехом. – И никакого секса?

– Да ладно тебе, – игриво хихикнула Фингалова. – Он еще не знает, какой сюрприз я ему готовлю.

– Какой? – испугалась Надя. От Анны можно было ожидать чего угодно. Фингалова, конечно, была невыносимой, странной, но избавиться от чувства ответственности за маловменяемую подружку Наде никак не удавалось.

– Я ему отдамся! – взвыла Анька. Прозвучало это угрожающе и навеяло мысли о грядущем изнасиловании наивно-го Костика, едущего на дачу с целью всего лишь послушать стихи. Надежда была более чем уверена, что никакие стихи Костику сто лет не нужны, так как ради фингаловских творений совершенно необязательно было бы увозить рифмо-плетку за город.

– Ну и замечательно. Не залети смотри, – напутствовала ее Надя.

– Я бы хотела выйти замуж летом, – очень последовательно отреагировала Анька. – Летом можно покататься на теплоходе, цветы дешевле и не простудишься у памятников. А

то я всегда переживаю за невест, когда они в декольте на морозе мучаются.

– Лето только что закончилось. А что, тебе сделали предложение?

Хотелось хоть как-то осадить размечтавшуюся Аньку. Противный червячок зависти грыз Надюшу изнутри. Надо же, дура душой, несет черт знает что, но ведь пригласили же ее с ночевкой! А ее, Надю, сунули в такси – и скатертью дорога. Где справедливость?

– Я думаю, он мне все скажет после первой брачной ночи, – мечтательно вздохнула наивная Фингалова. – Я ему помогу. Я стих придумала специальный. Еще в тот раз, для Толика, но ты ж помнишь, я тогда не успела прочитать. Так что можно считать, что это посвящение Костику.

Про Толика Надя помнила. Еще как помнила. Именно после той истории Фингалова собиралась отравиться и не отравилась лишь потому, что поняла: Толик не явится даже на ее красиво обставленные похороны. Анатолий был крепок, лысоват и груб. Познакомился он с Анькой в сильном подпитии, на первое свидание появился в еще большем подпитии, а на следующее свидание в фингаловскую квартиру следом за Толиком прискакала и его супруга с целым выводком родни. Фингалову тогда довольно сильно потрепали. Спас ситуацию сосед, вызвавший милицию. Забрали всех скопом, вместе с помятой хозяйкой.

Как же не помнить столь душераздирающий случай из

бурной Анькиной жизни...

...Любимый, молча не лежи.
Не щурь смущенно веки.
О чувствах мне своих скажи.
Я вся твоя, навеки!

– Ну, как? После этого ему будет легче начать, да? Мужчины стесняются первыми начинать такие разговоры, потому что боятся быть отвергнутыми. У них большое самолюбие и все такое...

Надя была уверена, что это не у мужчин большое самолюбие, а у Фингаловой большая фантазия, но вряд ли удастся донести это до очумевшей от очередного нахлынувшего чувства подруги.

– Ань, – Надюше даже дышать стало тяжело от злости, – ты что, первый раз замуж собираешься? Что ты городишь? Брачная ночь бывает после свадьбы! После, а не до! И он всего лишь собрался с тобой переспать. Или ты снова будешь удивляться, когда твоего очередного Ромео сдует, как пожухлый лист?! Спустись на землю! Он хочет переспать! Пе-ре-спать! И все! Какой теплоход? Какое декольте? Да ты вывалишься из декольте!

– Ну и что? – вдруг нормальным голосом сказала Фингалова. – Платье можно сделать закрытое или лифчик с наполнителем купить. А если он хочет просто переспать, так и я тоже хочу хотя бы просто переспать. Будет что-то еще – здо-

рово, не будет – я и подождать могу.

Чего именно могла подождать Анна, Надюша уточнять не стала. Столь здравых рассуждений в исполнении эпатажной подруги она не ожидала, поэтому озадаченно спросила:

– А где дача-то хоть? Сейчас такая холодина. Чего там делать-то?

– За городом. Какое-то восхитительное название у местечка: то ли Большие Колтуны, то ли Малые Лешаки.

– Прелесть какая, – пробормотала Надя. – Мобильный телефон возьми с собой и ни в коем случае не выключай! Мы про этого Костика ничего не знаем, мало ли...

– Я фамилию спросила, – снисходительно оповестила ее Анька. – Его зовут Константин Иванов.

– А-а-а, – съехидничала Надюша. – Тогда это существенно меняет дело. Ивановых в нашем мегаполисе раз-два и обчелся. Если что, знаем, кого посадить.

– Если что, мне будет по барабану, свершился акт правосудия или нет. Людям надо доверять, иначе твое счастье пронесут мимо, – назидательно провещала Фингалова.

– Типун тебе на язык. И мне тоже. Пусть у тебя все пройдет удачно.

– Хэд энд Шоулдерс! – проскандировала Фингалова. – Ваше свидание пройдет удачно.

Надя скомканно попрощалась с воодушевленной подругой и уставилась в темное окно. На улице стояла промозглая осенняя ночь, и окно, словно телевизор, показывало реали-

ти-шоу из Надиной жизни: кухня, холодильник, круглый циферблат старых часов и сгорбленная фигура за столом. Фингаловские слова про то, что счастье пронесут мимо, молоточком стучали по темечку: «Пронесут. Пронесут. Пронесут».

Вдруг стало страшно. А вдруг тот улыбочивый шатен с остановки и был ее счастьем? Счастье, оно ведь не только в черных «Мерседесах» мимо проносится и сверкает бриллиантовыми запонками на званных приемах. Оно у каждого разное. Вдруг Надюшка уже все проворонила?!

– О ком мечтаем? – каркнула над ухом Татьяна Павловна, разрушив хрупкий романтический настрой с налетом легкой грусти.

Удивительно, но мама всегда все про нее знала.

– О котлете. С чесноком, – нелюбезно отозвалась Надя. Чай остыл, а греть было лень. Обсуждать с мамой свою личную жизнь, а вернее, ее отсутствие тоже не хотелось.

– Ну-ну, – скептически качнула головой мама. – Из этого я делаю вывод, что завтра ты со своим сегодняшним ресторанным кавалером целоваться не планируешь.

– Это была деловая встреча! Я вообще про него уже забыла!

– А про кого вспомнила? – наседала Татьяна Павловна. – Поделись, вдруг я умный совет дам.

В том, что мама может дать именно умный и дальновидный совет, Надя даже не сомневалась. Другое дело, что после ее советов жить становилось тоскливо. Она умела так рас-

пять любого, что каждый кавалер после ее разбора полетов выглядел как дешевый суповой набор, разложенный на весьма непривлекательные составляющие.

– Ни про кого, – упрямо отрапортовала Надя. Шатен с остановки должен был остаться ее тайной. Надюша вдруг представила, как она, одинокая, усохшая от времени старуха, сидит в пустой кухне, размачивает в жидком чае сухари, и ничего в ее жизни нет: ни любимого человека, ни детей, только одно яркое пятно – воспоминание об отвергнутом шатене. Картинка была настолько реалистичной и угнетающей, что стало ясно – во что бы то ни стало надо найти того парня. Просто потому, что он и есть ее мужчина. Возможно. Иначе Надя не думала бы о нем все время, и вообще – судьба никогда не сводит людей случайно. У нее все продумано и предначертано заранее.

– Это у тебя осенняя депрессия. Держи крышу, пока ветром не унесло, – развеселилась Вика, с которой Надя рискнула поделиться выводами. – В том троллейбусе еще куча народа была. Это что, тебя с ними тоже с каким-то умыслом высшие силы свели? Не городи ерунду.

– Я буду его искать, – нахмурилась Надя. – Я чувствую, понимаешь? Я что-то такое чувствую!

– Очень даже понимаю. У тебя мужика давно не было, вот ты и маешься. Пошли в клуб, развеемся, гормоны спустим.

– Куда спустим? Вик, ты меня не слышишь, что ли? –

сердито шептала в трубку Надя, опасаясь, что Арон Яковлевич чутким старческим ухом уловит ее приватные беседы. На фоне вчерашней попытки подружиться с Левочкой, вернее, свести ее с Левочкой, который оказался к спариванию с папашинной секретаршей не готов, это было бы очень некстати. – Я его люблю. Кажется. Он такой... Такой... Ну...

– У вас получилось! – расцвел шеф, вываливаясь из-за фанерной дверцы своего кабинета. – Я так рад, деточка. Я чрезвычайно переживал, что Лева будет груб и вам не приглянется. Я, увы, не смог до него дозвониться, чтобы спросить. Знаете, я невероятно боялся, что Левочка попадет в ненадежные руки. Все же у них там несколько другие схемы общения, другой менталитет, а он мальчик наивный, доверчивый. В общем, я счастлив.

– Я тебе перезвоню, – сдавленно прошептала Надя и положила трубку.

Как раз в этот момент в приемную ввалились все сто пятнадцать килограммов доверчивости и наивности, увенчанные смоляными кудрями. Следом за Львом Ароновичем в помещение робко просочилось блондинистое создание. На курносом носу болтались круглые очки, губки бледнели перламутром, щечки голубели дворянской бледностью, все остальное было прикрыто болотным драповым балахоном, легко колыхавшимся, словно под ним была пустота. При взгляде на Левочкину спутницу первым, что пришло в голову Надюше, было слово «спирохета». Откуда оно взялось и

что означало, Надя не знала. Девица бледной тенью налипла на Левочку и ежесекундно поправляла тонким пальчиком съезжающие очки. Сложно было представить более нелепую пару. Для того чтобы заполнить клякмановский объем, потребовалось бы установить плотным штакетником штук шесть таких макаронин.

– Лева? – с непередаваемой интонацией воскликнул папа.

– Папа! – эхом отозвался Лева. – Это Эмма.

– Да, – неожиданным сексуальным контральто подтвердила девица. – Я Эмма.

Словно сам Левочка запросто мог соврать, а ее дополнение придавало вес его легкомысленному заявлению.

«Они нашли друг друга по голосу», – убежденно подумала Надя. Было немного обидно. Нет. Даже очень обидно. Словно кто-то рядом с тобой выиграл в лотерею, а ты взял не тот билет, хотя мог вытянуть выигрышный. Только ее, Надюшкиным, билетом был явно не Левочка.

Вечер выдался на удивление погожим. Надя медленно брела от остановки домой. Продежуриив у метро почти час в надежде встретить давешнего шатена, она вдруг сообразила, что совершенно не знает, что и как ему сказать. А если он ее вообще не помнит? Просто покрутится у него перед носом? Проследить до самого дома?

Глаза устали от мелькания лиц, живот обиженно булькнул, требуя горячего ужина, и она сдалась. «Если судьбе на-

до, то она сведет нас сама», – так подумала Надя. С другой стороны, кто не бьет лапками, тот тонет...

– Девушка, простите, – ее осторожно тронул за плечо незнакомый мужчина и тут же отдернул руку, словно обжегся. Он даже отступил как-то картинно, но красиво. Надя удивленно моргнула.

– Что? Вас ослепила моя красота?

Мужчина оказался приятным, в меру мужественным, в меру симпатичным, лет сорока, возможно, чуть старше. Он был ухожен, загорел и крепок.

«Жаль, – вздохнула про себя Надя. – Староват для меня. Или нет? Да ну... Все равно слишком большая разница в возрасте. То-то мама повеселится. Хотя этот, наверное, за словом в карман не полезет».

Перспектива хоть как-то уесть маму, хотя бы и временно, заставила Надюшу остановиться и приглядеться к незнакомцу внимательнее. Он смущенно улыбался, краснел и как-то потерянно похлопывал себя по бокам.

– Надя? – наконец выдавил он неуверенно и напряженно посмотрел ей в лицо.

– Надя. – Вот тут и она напряглась. Мужчина был совершенно незнакомым, и Надежда вдруг испугалась.

– А я... Иван Иванович...

– Иванов, – нервно закончила его тираду Надя. – Какое имя красивое. Редкое.

Тут ей вспомнился Костик со столь же редкой фамилией,

и Надюша разозлилась.

– Пойдемте... пойдём в кафе, – судорожно вздохнул разволнованный невесть по какой причине Иван Иванович.

– Зачем? – довольно агрессивно спросила Надя.

– Ну, мороженого поедим...

Учитывая час, проведенный на остановке у метро, мороженого сейчас хотелось меньше всего.

– Дяденька, – проникновенно моргнула Надежда. – Я уже вышла из того возраста, когда можно соблазнить килограммом мороженого.

– Ой, ну я так и знал, что глупо все получится. Я не хочу на улице... Понимаете... Понимаешь? Мне поговорить надо. Объяснить все. Ну, пожалуйста! Я вас... тебя очень прошу!

По-хорошему надо было отказаться, но в Надиной жизни происходило так мало интересного, а кафе казалось настолько безопасным местом, что она согласилась.

Иван Иванович при более детальном рассмотрении оказался еще приятнее, чем на первый взгляд. И кафе, в которое он завел Надю, было не из дешевых. На окна этого заведения Надя раньше смотрела лишь мельком, так как ее зарплаты хватило бы, скорее всего, лишь на один заход. Хром, стекло, пластик, хай-тек. Пафосно и дорого. Конечно, хотелось хоть раз побывать в таком месте, чтобы потом небрежно бросить в каком-нибудь разговоре: «Заходила недавно в «Терракоту», ничего местечко, уютное...» Уютным кафе не было. Агрессивный дизайн бодрил и побуждал к действию.

Заказав вино, Иван Иванович сцепил руки в замок и затих. Надя поерзала. И со стороны, и изнутри ситуация казалась странноватой.

– Может быть, заказать тебе поесть? – вдруг спохватился спутник.

«Откормить свинку на сало!» – мелькнуло в голове Надежды, и она мужественно отказалась.

– У меня сегодня еще дела. – Надя неопределенно pokrutila в воздухе пальцами, видимо, изображая мифические дела. Любопытство смешивалось со страхом и неопределенностью, в мысли лезла всякая чушь из обрывков мыльных опер: миллионер на пороге пятидесятилетия влюбляется в прекрасную юную девушку и на протяжении двухсот серий страдает от мысли о тридцатилетней разнице в возрасте. Избранница страдает по тому же поводу. И так они парятся до самого хеппи-энда на фоне путаницы в родственных связях, криминальных историй и прочей дребедени, пока добрая подруга Анна Мария или друг Хуан Педро не столкнут их лбами, заставив объясниться. Тут-то и выяснится, что никакой проблемы нет, любовь взаимна, а разница не так уж велика.

Все бы ничего, но Надюша ни на «юную», ни на «красавицу» не тянула категорически.

– Может, скажете уже чего-нибудь? – деревянным голосом предложила она, медленно вскипая от любопытства и избытка версий.

– Я очень долго тебя искал, – просипел Иван Иванович и

вдруг залпом осушил свой бокал.

«Ого! Ну, и здоров ты пить, – разочарованно подумала Надя, уже решившая, что престарелый кавалер со всеми его миллионами и алмазными копиями ей не нужен. – Любовь не купишь, не в деньгах счастье, насильно мил не будешь...»

– Ты очень красивая, просто удивительно красивая, – остановил вихрь народных мудростей, крутившихся в Надюшиной голове, проникновенный комплимент.

«Надо же! Знаю, что врет, а слушать приятно», – вынуждена была признать Надя. Грубая лесть примирила ее с действительностью. Слишком чужой, слишком пожилой для жениха, но все равно – пусть продолжает. Когда еще комплиментов наслушаешься просто так, на ровном месте.

– Даже не знаю, как начать. – Иван Иванович ерзал, вздыхал и хрустел пальцами.

Надя вдруг фыркнула, вспомнив фингаловское ноу-хау. Вот бы сейчас пригодился Анькин стих про «молча не лежи, не щурь смущенно веки».

Приободренный ее улыбкой, Иван Иванович вдруг сполз со стула и бухнулся на колени, подползая к Надиным ногам.

«Прости меня, прости!» Он почему-то уткнулся головой в ножку стола, продемонстрировав трогательную плешку на самой макушке.

Розовая кожа беззащитно блестела, Иван Иванович где-то внизу хлопал себя руками по щекам и бормотал.

«Надо же, какая любовь, – с некоторой гордостью и опас-

кой констатировала Надя про себя и осторожно отодвинулась. – Прямо мексиканские страсти».

Народ начал оборачиваться на них и оживленно обсуждать увиденное. Пора было прекращать комедию. Скорее всего, это был первый и последний раз в жизни Нади, когда влюбленный мужчина натурально ползал у ее ног.

– Спасибо за приятный вечер, – проблеяла Надежда, с сожалением глядя на недопитое вино и прикидывая, стоит ли допивать или уйти красиво.

– Прости, доченька, – бухтел Иван Иванович из-под стола. – Я все исправлю. Давай начнем все сначала, а?

– Всего хорошего, – Надя приподнялась было, но последняя фраза зацепилась за сознание, как крючок за портки неуклюжего рыбака. – Что начнем? С какого начала?

– Я твой отец. Подлец. И все такое, – Иван Иванович встал, гордо выгнув грудь и вздернув гладкий подбородок. – Просто выслушай меня. Ты уже достаточно взрослая, чтобы понять.

– Мой отец умер, – машинально бормотнула Надя.

– Нет. Я жив, как видишь.

Это была полная чушь. Мексиканский сериал спрутом заползал в Надину жизнь. Мать говорила, что автор ее беременности (именно так, а никак иначе, отцом она того мужчину никогда не называла) пал безымянным героем в борьбе с зеленым змием. То есть сначала он был просто молодым и красивым, слишком красивым, чтобы правильно оценить все

его достоинства и недостатки в комплексе. Судя по скучным рассказам, папашка был компанейским парнем, жил весело и обременять себя постоянными связями не планировал. Потом мама забеременела в надежде, что любимый остолбенеет от счастья грядущего отцовства и остепенится. Женский пол отличается от мужского не только физиологией, но и психологией. Вместо того чтобы радоваться, он предпочел исчезнуть по-английски, не прощаясь. Будущего отца безвозвратно смыло с горизонта, словно пучок тины, и засосало в глубины жизненных передраг. Параллельно выяснилось, что мама не знает его точного места жительства, так как, приехав из глубинки, жил ухажер у нее. Искать его через милицию и насильно возвращать в семью Татьяна постеснялась. Сначала мама ждала чуда, потом перестала.

Однажды, когда Надя была еще школьницей, ей вдруг пришло в голову, что ее отец был разведчиком в тылу врага. Каким разведчиком и в каком тылу, она не знала, поэтому и пристала к Татьяне Павловне с вопросами. Мама ее несколько огорошила: папаня разведчиком никаким не был, он просто спился и давно помер. Факт этот был принят приунывшей Надюшей как аксиома и сомнению не подвергался. И тут – нате вам. Папаша не просто жив, а еще и неплохо сохранился.

Надежда поджала губы и нахмурилась. У нее никогда не было отца, и как вести себя с этим чужим мужиком, вроде и виноватым, и прибитым, и униженным, но когда-то предав-

шим ее и маму, она понятия не имела.

Иван Иванович тем временем, заикаясь и волнуясь, оправдывался изо всех сил. По его версии выходило, что однажды мама выперла его слегка выпившего на улицу, где ему дали по голове, украли документы и деньги. Очнулся он в электричке где-то на краю света. Вернуться в город было не на что, да и незачем. Работы у него тогда не было, старый дом в области, где Иван Иванович был прописан, давно превратился в груды гнилых бревен, средств на съемную квартиру не было, а на Татьяну Павловну, у которой он жил в последнее время, папашка насмерть обиделся. В небольшом поселке Иван Иванович сошелся с алкашом Митькой, сначала они долго вместе пили и подрабатывали по мелочи на хозяйстве у пенсионеров. Потом Митьку нашел сын, закодировал от пьянства и устроил на работу. Митька не забыл старого собутыльника, взял его курьером. Именно на курьерстве Иван Иванович и познакомился с немолодой женщиной по имени Алла. У Аллы он прижился, потом жизнь пошла веселее, они поженились, эмигрировали в Германию, начали там свое небольшое дело, которое со временем разрослось. В прошлом году Алла нашла себе друга помоложе, а Иван Иванович затосковал по России и решил открыть филиал своей конторы на родине.

Надя осовело хлопала глазами. Так насыщены событиями бывали пересказы сериалов в исполнении Фингаловой. Это ж надо, чтобы в ее серенькой жизни вдруг появился богатый

папа из-за границы! И что с ним делать, с этим папой?

– А где мои братья и сестры? – язвительно поинтересовалась Надя, совершенно не понимая, как реагировать на свалившуюся новость. Она даже не могла решить, к какому разряду отнести данное событие: то ли счастье обвалилось, то ли неприятности. – Где кузены, кузины и племянники?

По законам жанра теперь должна появиться родня, с которой придется сражаться за наследство еще живого папашки. Но к двухсотой серии, когда члены семьи, не подозревая о кровных узах, частично перетравят друг друга, а частично переженятся, папа вполне уже может преставиться, оставив запись последней воли адвокату...

– У меня нет никого, кроме тебя! – торжественно объявил вновь обретенный отец. – Я долгие годы искал тебя, маму и наконец нашел.

Это он, конечно, беззастенчиво врал, так как мама место жительства не меняла. Но Надя пока еще не решила, уличать папашку в мелочах или, наоборот, дать ему возможность обелить себя по полной программе. Конечно, жить, ощущая себя подлецом, бросившим беременную невесту и вспомнившим про дочь лишь ближе к ее тридцатилетию, сложно. Хотя и можно.

– И чего? – заинтересовалась Надя, вдруг жутко разнервничавшаяся от нереальности всего происходящего и даже начавшая озираться в поисках скрытой камеры. – Мои какие действия? Отвести тебя к маме? Чтобы вы помирились

и воссоединились?

Тут она с мстительным восторгом представила себе воссоединение. Вероятно, Иван Иванович помнил мать робкой влюбленной девочкой, наивной до безобразия и глупой до зубовного скрежета. То-то будет сюрприз. За двадцать шесть лет Татьяна Павловна сильно изменилась и могла основательно потрясти не только его воображение, но и организм, упакованный в дорогой костюмчик. Надя прислушалась к тому, что творилось у нее внутри. Похоже, принять блудного папашу она была не готова. Еще один мужик, потоптавшийся на светлых женских чувствах, да еще ставший причиной ее тяжелого детства. В материальном плане, пока мама была достаточно молода, они не страдали, так как Татьяна Павловна хорошо зарабатывала, плюс у нее никогда не было дефицита в кавалерах, которых она использовала без зазрения совести. Ей покупали путевки, делали ремонт за казенный счет, чинили машину и доставали дефицит. Маленькая Надюша всегда была хорошо одета, у нее были дорогие игрушки, но через все детство за ней проволочлось осознание собственной ущербности – безотцовщина. Это было ее постыдной тайной, страшной и грязной, которую она ото всех скрывала. Надя была уверена, что все ее сегодняшние комплексы бледными поганками выросли именно на той плодородной почве детских страхов, что однажды все узнают – у нее нет отца. А в последние пару пятилеток еще и добавилось чувство материальной ущербности по сравнению с другими де-

вицами – дочерьми богатых папиков.

– Ты имеешь полное право меня ненавидеть. Я приму любое твоё решение, – твердо сказал Иван Иванович и крепко схватил Надю за руку. – Только дай мне шанс все исправить. Я хочу начать все сначала. У тебя будет все: работа, квартира, деньги, независимость, ты сможешь посмотреть мир, нормально одеться, стать состоятельной и самодостаточной женщиной. Не отталкивай меня. Я знаю, что мама не простила и не простит меня. Во всяком случае, пока. Я не готов встречаться с ней и очень тебя прошу ничего ей не говорить о нашей встрече. Я для нее умер. До определенного момента. Я разберусь здесь с делами, улажу все формальности с разводом, тогда мы с тобой и подумаем, как быть.

«Я его ненавижу. Он испортил мне жизнь», – вяло подумала Надя. Злости не было. Зато логика подсказывала, что быть бедной, но гордой можно лишь до того момента, пока не найдешь чемодан с деньгами. Далее будет два варианта: либо ты его подбираешь и перестаешь быть бедной, но гордой, либо гордо перешагиваешь и тащишься дальше по жизни не просто бедной и гордой, но еще и глупой. Чувствуя себя витязем на распутье, Надя засопела, прикидывая варианты. Слово «самодостаточная» ее купило. Оно было антонимом слова «зависимая». Сейчас она зависела ото всех: от мамы, с которой вынуждена была жить и терпеть ее невыносимый характер, от мнения окружающих, которые могли презрительно коситься на ее одежду, от мужчин, которым нуж-

но было непонятно что, но явно что-то такое, чего не было у Нади.

– Женщина делает себя сама, – любила говорить Вика. – Мужик примитивен по своей сути. Если на бутылку с пивом наклеить этикетку «молоко», он ни за что не догадается открыть и понюхать. Поэтому не жди, что кто-то разглядит за твоей ненакрашенной физиономией, отсутствием нормальной прически и колхозным прикидом интеллект и нежную душу. В первую очередь ему нужна упаковка. Не надо переть поперек паровоза. Нужна упаковка – дай. Даже Золушку нарядили и засунули в карету, чтобы свести ее с принцем. Фея-то не дура была. Какому принцу нужна Золушка в ботах? Не-е-ет. Каждый ищет свою судьбу в хрустальных туфельках. Ну, так и помоги им. Даже если у тебя нет бального платья и тетки феи, веди себя так, как будто есть.

Вика, возможно, была права но Надя финансово не тянула ни на бал, ни на хрустальные туфельки. А в том, что у нее было на данный момент, чувствовать себя уверенно не хватало наглости.

Внезапно обвалившийся на голову заграничный родитель мог исправить ситуацию. Тем более что она ничего у него не просила – сам предложил. Плюс ко всему человек искренне раскаивается, хочет искупить вину. В конце концов, все мы совершаем ошибки. Главное – иметь мужество их признать. Ведь оттолкнула же она шатена, которого теперь тщетно пыталась найти. Надежда не была корыстной, и колкое ощущение

ние неловкости ворочалось где-то под ложечкой, словно она сейчас продавала что-то, предавая... А кого она предавала? Маму? Чем? Какой будет ее жизнь, если она сейчас оттолкнет раскаивающегося отца? Снова просиживание штанов в убогой конторе Клякмана? А потом? Дед уйдет на пенсию, продаст бизнес, ей придется искать новую работу, жить на копейки, одеваться в дешевые шмотки с рынка и ждать... Кого? Принца? Да сдалась она принцу! Кому она вообще нужна со своими комплексами, торчащими ключицами, худыми коленками и тонкой косичкой, из которой никак не получалась нормальная прическа, сколько они с Викторией ни экспериментировали. В конце концов, мама сама отца выгнала и у Нади не спросила. А теперь Надя выросла и имела право пустить этого, пусть чужого, но формально родного мужчину обратно, в свою жизнь, в свою судьбу. А там видно будет. Пусть мама решает сама за себя...

– Ладно. – Надюша неловко пожала плечами, не соображая, как бы сложить слова так, чтобы получилось достойно и не унижительно для нее. А то еще подумает, что она из-за денег. Нет, она просто должна как-то изничтожить причину своей неуверенности в собственных силах, отправную точку всех своих бед. Потому что она больше не безотцовщина.

– Наденька. – Иван Иванович смотрел на нее повлажневшими глазами. – Я все для тебя сделаю. Все! Я уже решил, что бизнес в России будет оформлен на тебя. Чтобы потом никаких проблем у тебя не возникло. Будешь у меня биз-

нес-леди. А мы... я... нет, мы с мамой будем тобой гордиться. Ты только маме не говори ничего, я тебя умоляю. Пусть это будет наша первая маленькая тайна. Я должен сам, ладно?!

Мог бы и не просить. Надя решила, что с удовольствием предоставит ему право самому утрясать свои вопросы с мамой. Кому охота лечь под танк? Если есть желающие, она легко уступит им эту честь.

Почувствовавшая себя будущей бизнес-леди, Надя физически ощущала, как ее наполняет уверенность в себе, в завтрашнем дне и вообще во всем. Самодостаточность вливалась в организм с каждым вздохом. Это было волшебное, непривычное чувство.

Рабочий день с утра пошел наперекосяк. Сначала Надя поругалась с водителем, который, деликатно дыша в сторону, сообщил, что у него давление и на работу он приехал только за тем, чтобы об этом сообщить и честно отпроситься. Надя его трудовой подвиг не оценила и потребовала справку.

– А кто товар повезет, кто? – орала она, понимая, что уже никто. В таком состоянии Шурик доедет только до первого гаишника.

– Завтра отвезу, – бубнил Шурик и протяжно шмыгал. Ему было плохо и маятно.

– А сегодня? Сегодня что я шефу скажу?

– Придумай что-нибудь. – Водитель заискивающе смотрел

на Надежду и подпихивал к ней по столу обтрепанный батончик «Баунти». – Это тебе. Испытай райское наслаждение.

Лучше бы он молчал.

Надя свирепо оттолкнула подношение и простонала:

– Какое наслаждение? Что ты несешь? На проходной коробки стоят! Там же до вечера обязательно что-нибудь сопрут. Занеси их хотя бы наверх.

Забыв про давление, оживившийся Шурик вылетел из приемной и ударными темпами перенес все коробки под Надюшин стол.

– Ну, до завтра? – Он неуверенно помахал рукой, подсказывая ответ.

Спасла его Вика Красовская, свежим ветром влетевшая в помещение.

– Иванцова, привет! У меня для тебя новость! – Вика загадочно улыбнулась и скосила глаза на Шурика.

– Здравсьте, – заулыбался тот, забыв разом и про давление, и про то, что собирался в отгул. Или, скорее, в загул, судя по лихорадочному блеску в глазах. – А вы к нам?

– Свободен, Саша! – рыкнула Надежда. – Чтобы завтра с утра был как огурец!

– О, – вдруг вспомнил о чем-то своем досрочно освобожденный от трудовой вахты Шурик. – Точно. Огурцы...

И ретировался, озабоченно бормоча.

– Надя, ты сейчас упадешь. – Вика плюхнулась на гостевой диванчик и с видом заговорщицы уставилась на Надю-

шу. – У Гарика нет пары!

– Да что ты говоришь! – издевательски всплеснула руками Надя. – Нету? Пары? И как же он живет неспаренный?

– Еще вчера он был, как ты выражаешься, спаренный. Только имел неосторожность сделать любимой девушке сюрприз, заявился домой раньше. Все. Нету девушки.

– погоди, дай угадаю. То есть он ее грохнул, а ты ищешь ему пару для свиданий в тюрьме? Или он ее просто выпер, а теперь устраивает вечеринку со смотринами и принимает соболезнования от малознакомых баб?

– Дурища закомплексованная. У Вельмерского на даче будет тусовка, все едут парами. Мы с Андрюхой тоже. А у Гарика пары нет! Ясно?

– Не-а. Я не понимаю, кто такой Гарик, кто такой Вельмерский и при чем тут я?

– Запущенный случай, – закатила глаза Вика и с сожалением оглянулась. Ей не хватало зрителей. – Ты телевизор смотришь? Новости там, светскую хронику?

– А как же, – гоготнула Надя. – Мне без светской хроники никак.

– Поясняю: Вельмерский – хозяин сети супермаркетов, развлекательных центров и кучи прочих объектов. Почти миллиардер. Гарик в доле. Ну ты что, не помнишь его, что ли? Я же вас знакомила в позапрошлом году на годовщине нашей свадьбы! Ты ему, кстати, тогда понравилась. Ну, не то чтобы он влюбился, но запомнил.

Надя густо покраснела. Разумеется, запомнил. Ее, наверное, тогда запомнили многие. Двенадцатую годовщину совместной жизни Вика с Андреем отмечали в роскошном ресторане при стечении не менее роскошной публики. Это был шанс не просто с кем-то познакомиться, не просто устроить свою судьбу, а устроить ее весьма и весьма удачно. Вика тогда так ее накрутила, что первую половину вечера Надюша пребывала в эйфории, ожидая наплыва ухажеров, от которых нужно будет отбиваться. Далее настроение пошло на спад, так как мужчины ее возмутительнейшим образом игнорировали, а потом Надя с горя налегла на горячительные напитки, и окончание праздника смазалось в ее короткой девичьей памяти. В бессвязных обрывках воспоминаний сохранилось лишь некое подобие стриптиза, который она пыталась исполнить под занавес, игра в «пятнашки», в которую Надежда играла в гордом одиночестве, и испуганные лица мужчин, с которыми она делилась своим мнением по поводу их низкой сущности. В общем, неизвестному Гарику было что вспомнить.

– Ну, так и зачем вам я? – тягостно вздохнула Надежда.

– Ты – для Гарика. Вернее – Гарик для тебя.

– А он в курсе? – с сомнением пожала плечами Надя. Ей хотелось чего-то попроще, чем олигарх. И она с опаской подозревала, что и олигарху, напротив, хотелось чего-то сложнее, чем блеклая секретарша, блеснувшая на предыдущем празднике корявым стриптизом.

– Конечно, – восторженно закивала Вика. И Надя тут же поняла, что вовсе он не в курсе и все это Викина инициатива.

– Не пойду! – затрясла она головой и отбежала за стол, словно мадам Красовская могла немедленно потащить поймавшую жертву в пасть к Гарику.

– Только ты не напивайся больше, – не обратила внимания на ее сопротивление Вика. – Мы заедем за тобой в субботу к двенадцати, а в десять к тебе придет Жека и приведет тебя в порядок. Платье для тебя я одолжила у Нельки. Нам повезло: она потолстела и в свои туалеты не влезает. Все, Золушка. Я понеслась на работу. Запомни: тыква будет у подъезда ровно в двенадцать. Пора уже тебя сбагрить кому-нибудь.

– Не надо меня сбагривать. У меня теперь другие цели в жизни, – мрачно прошептала Надя.

– Ух ты. – Вика притормозила на выходе и обернулась. – И какие? Монастырь? Карьера? Революционная борьба с мужиками как с классом?

– Вика, мужики в жизни не главное. Мне надоело за всеми бегать и циклиться на замужестве.

– Унитаз в жизни тоже не главное, но без него никак, – припечатала Виктория. – Не выпендривайся. Все. До субботы.

– Все всё за меня решают, – горько констатировала Надя в закрытую дверь. – Достали.

Вечером позвонил отец и восторженно, вздохнув поведал, что на следующей неделе уже будут готовы документы и На-

дя станет полноправной владелицей собственного бизнеса. Положив трубку, она снова поняла, что забыла уточнить, что за бизнес. Без конкретных фактов мечтать и строить планы было сложновато. Но даже при таком раскладе фантазия уносила ее в янтарно-медовое будущее с уклоном в бразильские мыльные оперы и дешевые голливудские сказки. Оказывается, все правда. И в вялотекущей судьбе любой непрезентабельной девицы может появиться папа-миллионер, бросивший ее в детстве. Жизнь – удивительная и непредсказуемая штука.

Время до субботы тянулось медленно. Надя продолжала дежурить на остановке у метро, но шатен как в воду канул. Тоскливо подумав, что он мог просто приехать к кому-то в гости и они больше никогда (страшно даже представить это безнадежное «никогда») не встретятся, она чуть не расплакалась. Вернувшись домой и засыпая, Надя вдруг поняла, что субботнюю вечеринку ждет с нетерпением. Никакой Гарик ей, конечно, не нужен, и ни на что она не надеется, но... если копнуть глубже, то получалось, что чего-то она все же ждет.

– Ничего не жду! – сердито проворчала она в темноту и натянула на голову одеяло.

Утро началось со звонка в дверь.

– Какая прелесть! – заржала в коридоре мама. – Я ж вроде вчера не пила и не курила. С чего же такие видения ни свет,

ни заря. Вы мне чудитесь, милое создание, или как? Вы агитатор? И за какую же партию вы агитируете?

Тут Татьяна Павловна всхлипнула и ушла дохихатывать в глубь квартиры.

– Мне нужна Надя! – слабо крикнул визитер странным бесполом голосом. – Я Жека. Мне назначено.

– Дочь моя, ну ты докатилась! – Мама неожиданно распахнула двери в ее комнату. – Где ты это взяла?

– Меня пригласили на тусовку с олигархами, – то ли стесняясь, то ли гордясь, заявила Надя и проворно вылезла из-под одеяла.

– Это олигарх? – Мама подняла выщипанные брови и выглянула в коридор. Вся ее фигура излучала высокомерное презрение.

Издалека доносилось обиженное шуршание и что-то брякало.

– Да уж. – Мама с высоты своего немаленького роста следила за траекторией передвижения пришельца по квартире. – Вот горе-то в семье.

В чьей именно семье горе, она не уточнила.

«Горе» оскорбленно прошествовало в комнату, и тут Надя растерялась. Определить половую принадлежность Жеки не представлялось возможным, поэтому было совершенно непонятно, стесняться ли короткой ночнушки или по-свойски переодеться.

– Здравствуйте, я Жека.

– Очень, очень приятно. Вика говорила. – Наде было ужасно неловко за маму. И если учесть, что Жеке предстояло привести ее в порядок, то ссориться с ней или с ним было бы крайне недальновидно.

– Тогда так. Вы не завтракали?

– Нет. – Надя не только не завтракала, но еще и не умывалась и не посещала удобства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.